

Глава IV
ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА И СОБСТВЕННО
ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТОДА НАУЧНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

§ 1

ПЕРВАЯ СТАДИЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА. «РУКОПИСЬ 1843 г.»
(«К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА»)

А. Первый этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.»

Эта рукопись К. Маркса без названия (название дано сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) была написана летом 1843 г. До нас она дошла в виде 39 листов, пронумерованных К. Марксом. Первый лист рукописи утерян.

Непосредственно К. Маркс критикует в ней первый раздел третьего отдела третьей части философии права Гегеля «Внутреннее государственное устройство», §§ 261—313, т. е. общие взгляды Гегеля на внутреннее государственное устройство, а также его воззрения на княжескую, правительственную и законодательную власть. Критическое рассмотрение гегелевских взглядов на законодательную власть не закончено. У Гегеля упомянутый раздел заканчивается § 320.

Советским исследователем Н. И. Лапиным установлено, что рукопись должна быть разделена на две части; первую—до написания К. Марксом Крейцнахских тетрадей (в июле — августе 1843 г.) и вторую, созданную К. Марксом в процессе и результате изучения новой для него литературы по истории многих стран Европы, начиная с 600 г. до н. э.¹

В третьей части философии права Гегеля — «Нравственность» — первый отдел посвящен семье, второй — гражданскому обществу и третий—государству. Первый раздел третьего отдела и составил объект непосредственного внимания К. Маркса. Следовательно, К. Маркса не интересовала ни семья, ни гражданское общество сами по себе. Первый и главный вопрос, который он разбирает, — отношение системы частного интереса (семьи и гражданского общества) и системы всеобщего интереса (государства).

¹ См. Н. И. Лапин. Молодой Маркс. М., Политиздат, 1968. стр.176—178.

Этот вопрос выступал для К. Маркса в качестве главного теоретического вопроса уже раньше. Разбирая статью К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента», мы могли в том убедиться. В ней К. Маркс стремится идти от фактов действительного отношения государства и гражданского общества к обобщению фактов. Теперь фактом, документом являются фиксированные в «Философии права» мысли Гегеля. Их К. Маркс приводит совершенно точно и затем анализирует. Собственные мысли К. Маркс формулирует во всеобщем виде и изучает здесь *не те или иные отдельные и случайные отношения, а необходимое отношение двух сфер общества* (системы частного и системы всеобщего интереса), как таковых.

Осознание во всеобщем виде необходимости отношения этих сфер стимулируется критикой взглядов Гегеля. Однако критика Гегеля в рукописи была бы невозможна без предшествующего изучения и осмысления К. Марксом фактов действительного отношения государства и гражданского общества. Поэтому рукопись «К критике гегелевской философии права» не может быть вполне понята без изучения статей К. Маркса в «Рейнской газете».

В этой «Рукописи 1843 г.» отчетливо видно влияние на К. Маркса взглядов Фейербаха, выраженных им в «Предварительных тезисах к реформе философии» (написаны в 1842 г., впервые опубликованы в начале 1843 г.). В марксистской литературе этот вопрос исследован довольно подробно и обстоятельно. Поэтому мы специально на нем не будем останавливаться. Но заметим следующее. Внешние влияния, в частности, влияние взглядов другого человека на оригинального мыслителя, а К. Маркс, несомненно, был таковым, никогда не воспринимаются им только непосредственно, пассивно.

Л. Фейербах порвал с гегелевским идеализмом еще в 1839 г., тогда была опубликована его работа «К критике философии Гегеля». Но К. Маркс не воспринял материалистического содержания этого труда. Почему же «Предварительные тезисы...» произвели неизмеримо больший эффект? Да потому, что в собственном идейном развитии К. Маркса встали именно такие вопросы, разрешению которых способствовало ознакомление с «Предварительными тезисами...». А если дело обстояло таким образом, то К. Маркс потому воспринял их основное содержание, что сам подошел к этому. К. Маркс не просто усвоил их содержание, но в отличие от Фейербаха, распространив их на политику, сделал на последней упор. К. Маркс шел от изучения политической действительности в рамках определенной философии и в ходе этого изучения возникли сомнения, трудности, противоречия. Разрешению их помогло, именно лишь помогло, знакомство с «Предварительными тезисами...», Однако в них К. Маркс не нашел и не мог найти ответа на появившиеся сомнения в том, каково отношение государства и гражданского общества.

Критика Л. Фейербахом гегелевской спекуляции, нам думает-

ся, была и могла быть лишь зародышем критики. Действительно, развитая критика спекулятивной гегелевской философии и обоснование материализма могли быть осуществлены только, во-первых, в процессе систематической критики гегелевской философии и систематического обоснования материализма в связи с систематическим же рассмотрением действительных конкретных наук, во-вторых, в процессе обнаружения как гносеологических, так и социальных, классовых корней идеализма, ибо идеализм есть прежде всего социальный продукт, а также в процессе обоснования исторического материализма. В философии Л. Фейербаха зародыши истинного подхода к социальной действительности, к сущности человека, зародыши материалистического переосмысления философии Гегеля и т. д. так и остались зародышами. Фейербахом не была реализована даже одна из его любимых идей—идея связи философии с естествознанием.

Уже в «Рукописи 1843 г.» К. Маркс не просто усваивает взгляды Фейербаха, его метод. Даже если мысли Фейербаха и воспроизводятся К. Марксом, то они в конечном счете воспроизводятся в такой связи, что получают новое качество: они включаются в качестве снятого момента в решение вопроса об отношении государства и гражданского общества.

Известно, что всякая новая теория создается в процессе обобщения новых фактов в единстве с критической переработкой унаследованного теоретического материала. В статьях К. Маркса, предшествующих написанию «Рукописи 1843 г.», возможно выделить этап, характер которого образует доминирование первой стороны единства при сохранении единства сторон. Затем (в «Рукописи 1843г.») начинается следующий этап—преобладание второй стороны, опять-таки при сохранении единства сторон. На втором этапе главным становится не анализ, не выделение необходимых сторон, а установление связи между ними, но сначала не в позитивной форме, а в форме диалектического, т. е. непустого отрицания унаследованного изображения связи этих (или отчасти этих) сторон.

Критическая переработка унаследованного теоретического материала имеет своей конечной основной целью систематическое изучение внутренней связи выявленных сторон. Непосредственно же на этом этапе преобладает следование за развертыванием критикуемой концепции. Мы обращаем, преимущественное внимание не на субъективную, а на объективную сторону процесса исследования К. Маркса и на соответствующий аспект метода.

Как рассматривать «Рукопись 1843 г.»? Наиболее последовательным было бы сначала описать ее, затем проанализировать и, наконец, выявить систематические внутренние связи обширной рукописи К. Маркса. В связи с ограниченным объемом нашей работы мы не располагаем возможностью полного воспроизведения каждой стадии. Поэтому описание и, возможно, в какой-то степени анализ здесь опускаются.

В целом в первой части рукописи К. Маркс, анализируя отношение системы частных и системы всеобщих интересов, делает ударение на последнюю. Его интересует прежде всего политическое государство. Тут наблюдается преемственность со статьей «Оправдание мозельского корреспондента», где преобладает тот же акцент. Во второй части, как мы увидим в дальнейшем, ударение переносится на гражданское общество.

Раздел «Внутреннее государственное право» философии права Гегеля начинается § 260. Лист рукописи с анализом этого параграфа до нас не дошел, но, разбирая § 261, К. Маркс пишет: «Предшествующий параграф поучал нас относительно того, что *конкретная свобода* состоит в тождестве (долженствующем быть, раздвоенном тождестве) системы частного интереса (семьи и гражданского общества) с системой всеобщего интереса (государства). Отношение этих сфер Гегель старается теперь определить более подробно»².

В чем же заключается более подробное определение Гегелем отношения двух систем? Государство по отношению к сфере частного интереса есть внешняя необходимость и вместе с тем — имманентная цель. Гегель говорит не о тех или иных отдельных случаях отношения, а о существенном отношении самих сфер. «Гегель выдвигает здесь неразрешённую *антиномию*. *С одной стороны*, внешняя необходимость; *с другой стороны*, имманентная цель»³.

Что такое внешняя необходимость и имманентная цель? В чем именно видит К. Маркс антиномию у Гегеля и как он стремится ее разрешить?

Внешняя необходимость означает внешнее отношение, отношение чего-то к внешней ему, самостоятельной сущности. Внешняя необходимость — необходимость, навязанная извне самостоятельной сущности. В таком случае семья и гражданское общество выступают по отношению к государству в качестве самостоятельных сфер со своей самостоятельной сущностью. Сфера государства, всеобщего интереса воздействует извне, подчиняя себе сферу частного интереса. «Именно потому, что «подчинение» и «зависимость» представляют *собой внешние* отношения, суживающие самостоятельную сущность и противоречащие ей, отношение «семьи» и гражданского общества к государству представляет собой отношение «*внешней* необходимости», такой необходимости, которая идёт вразрез с внутренней сущностью предмета»⁴.

Итак. С одной стороны, отношение сферы всеобщего интереса (государства) и системы частного интереса (семьи и гражданского общества) есть отношение разных самостоятельных сущностей, причем первая сущность подчиняет себе вторую. «В понятиях

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 221

³ Там же, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 222.

«подчинение» и «зависимость» Гегель развил дальше одну сторону раздвоенного тождества, а именно, сторону отчуждения внутри единства...»⁵. Чтобы глубже понять эту сторону, необходимо вспомнить характеристику периода рассудка в истории человечества (статья «Дебаты по поводу закона о краже леса»). Отчуждение внутри единства состоит в обособленности и отрыве друг от друга различающихся, так что единство осуществляется через исключение, и различие определяет единство.

С другой стороны, сущность сферы всеобщего интереса есть внутренняя цель сферы частного интереса, цель, которая существенно, изнутри определяет последнюю сферу. Для понимания этой стороны следует вспомнить определение К. Марксом царства разума (в той же статье): в царстве разума единство определяет различия.

В чем же видит К. Маркс вторую сторону антиномии Гегеля?

Государство внутренне определяет сферу частного интереса, потому что едины всеобщая конечная цель государства и особый интерес индивидов, потому что «они (индивиды.—*В. В.*) постольку имеют обязанности по отношению к нему (государству.—*В. В.*), поскольку они вместе с тем обладают правами»⁶. Из замечания К. Маркса по этому поводу можно заключить о его отношении и к характеру разрешения антиномии: «Единство *всеобщей конечной цели* государства и *особого интереса индивидов* состоит будто бы в том, что *обязанности* индивидов по отношению к государству и те *права*, которые государство предоставляет *им*, тождественны (следовательно, например, обязанность уважать собственность совпадает с правом на собственность)»⁷. К. Маркс констатирует факт: обязанности в современных государствах нетождественны правам (обязанность уважать собственность не совпадает с правом на собственность). Следовательно, в современных государствах нет единства всеобщей конечной цели государства и особого интереса индивидов, нет внутренней связи, единства сферы всеобщего интереса и сферы частных интересов, а есть единство этих сфер как отчужденных друг от друга. Единство отчужденных друг от друга сфер есть внешняя необходимость, необходимое отношение самостоятельных сущностей.

Таким образом, К. Маркс доказывает, что имеется отчуждение внутри единства, существуют сферы с самостоятельными сущностями, связанные внешней необходимостью. Гегель же утверждает, по мнению Маркса, и то и другое, впадая тем самым в неразрешимое противоречие.

Мы полагаем, что К. Маркс пока не разрешает теоретически выявляемую им у Гегеля антиномию. К. Маркс переносит осуществление внутренней связи всеобщих и частных интересов на будущее, разумное государство. В существующих государствах он

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 222.

⁶ Гегель. Соч., т. VII. М., Госполитиздат, 1934, стр. 271.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 223.

констатирует отчуждение этих сфер друг от друга. Однако К. Маркс еще доказательно не выводит из существующего отчуждения государства и гражданского общества необходимость устранения отчуждения и установления внутреннего единства всеобщих и частных интересов.

Поэтому, хотя К. Маркс и пытается установить связь сторон антиномии и разрешить ее, он по сути дела вместе с тем доказательно еще не устанавливает этой связи и остается в пределах антиномии.

Но антиномичность во взглядах К. Маркса поднята на более высокую ступень и, следовательно, на ступень более близкую к разрешению антиномии. У Гегеля отчуждение всеобщих и частных интересов в существующей действительности рассматривается как подчиненный момент их внутреннего единства. Причем исходным (неосознаваемым в полной мере) допущением является отрыв отчуждения всеобщих и частных интересов от их внутреннего единства. И именно на основе отрыва обеих сторон друг от друга Гегель отождествляет отчуждение, внешнюю необходимость с внутренним единством, одновременно различая в рамках тождества эти стороны. Осознание антиномии происходит на уровне *тождества (с различиями)*. Во взглядах К. Маркса также имеется неосознаваемое допущение отрыва друг от друга отчуждения, внешней необходимости и внутреннего единства всеобщих и частных интересов. Но К. Маркс в противоположность Гегелю фиксирует в существующей действительности прежде всего и главным образом отчуждение всеобщих и частных интересов. Допущение наличия моментов внутреннего единства всеобщих и частных интересов в существующей действительности присутствует неявно, в явном виде внутреннее единство признается осуществимым в будущем. Таким образом, антиномия во взглядах К. Маркса достигла ступени разности, т. е. понимания сторон антиномии, не как по преимуществу тождественных, а как отличных друг от друга и безразличных друг другу. Тождество сторон отступает на задний план, присутствуя неявно.

Раздел «Внутреннее государственное право» расчленяется у Гегеля на два подраздела: «Внутреннее государственное устройство само по себе» и «Суверенитет по отношению к внестоящим». Обоим этим подразделам предпосланы общие замечания. В дошедшей до нас рукописи К. Маркса рассматриваются общие замечания и первый подраздел (не до конца).

В анализе К. Марксом общих замечаний Гегеля выделяются две основные, главные мысли: во-первых, характеристика отношения сферы частных интересов (семьи и гражданского общества) и сферы всеобщего интереса (государство) в процессе критики представлений Гегеля) об этом отношении; во-вторых, критика гегелевского взгляда на идею как самостоятельный субъект и противопоставление ему своего взгляда на отношение идеи и действительных предмета или отношения.

За исключением разбора § 261, с которого начинается сохранившаяся рукопись и в котором выступает только первая мысль, в рассмотрении других параграфов, посвященных Гегелем общим предварительным замечаниям, обе мысли переплетаются, часто выступают слитно» а в целом преобладает вторая.

Обычно в работах, в которых так или иначе рассматривается рукопись К. Маркса «К критике гегелевской философии права», выделяются эти две основные мысли К. Маркса и подчеркивается, во-первых, то, что К. Маркс впервые выдвигает здесь положение об определяющей роли гражданского общества (о семье не всегда помнят) по отношению к государству, во-вторых, то, что К. Маркс критикует гегелевское представление об идее как самостоятельном субъекте и вытекающие из этого представления последствия.

На наш взгляд, такая характеристика этих положений К. Маркса недостаточна. Воззрения К. Маркса имеют переходный характер и содержат в определенной форме противоречия, присущие всякому переходу. Противоречивы воззрения К. Маркса и на отношение семьи, гражданского общества и государства, и на отношение идеи и предметной действительности. Эти противоречия достигают более развитой ступени, чем в предшествующих трудах К. Маркса.

С одной стороны, семья и гражданское общество квалифицируются в качестве основы, из которой вырастает государство. Сфера частных интересов предстает сферой сущности общества.

С другой стороны, К. Маркс пишет: «*В рациональном виде* гегелевские положения означали бы лишь следующее:

Семья и гражданское общество представляют собой части государства»⁸. Следовательно, государство есть целое. Целостность человечества есть государство, государственные связи. Части (семья и гражданское общество) сами по себе не имеют единства, а значит, сущности, их единством служит целое (государство). Внутренние связи семьи и гражданского общества К. Маркс пока не обнаруживает, целым семьи и гражданского общества выступает не экономическая, материальная связь, а политика, государство. Сфера семьи и гражданского общества представляется как сфера сугубо частных интересов, т. е. так, как она выступает на *поверхности* буржуазного общества. Общественные связи. К. Маркс сводит к государственным, политическим связям. Таким образом, в противоречии со взглядом на сферу частных интересов как определяющую сферу всеобщих интересов сущностью общества по-прежнему считается государство.

В отличие от предшествующих трудов в рукописи 1843 г. «К критике гегелевской философии права» К. Маркс осознает в *общем виде*, что частные интересы не только могут, но и необходимо порождают и определяющим образом влияют на систему всеобщих интересов. Противоречие взгляда К. Маркса взгляду

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 225.

Гегеля на отношение всеобщих и частных интересов достигает ступени *противоположности*.

В самом деле. Положение К. Маркса о том, что целое, всеобщее (государство) вырастает на основе частного (семьи и гражданского общества), прямо противоположно утверждению Гегеля о том, что всеобщее (государство) является определяющим по отношению к частному (семье и гражданскому обществу). Но одновременно противоположный взгляд К. Марксом до конца не преодолен: части именно как части, т. е. в отрыве от целого, выступают чем-то активным, подлинно активным, на основе чего вырастает целое. Следовательно, сохраняется в воззрениях К. Маркса отрыв частей и целого друг от друга.

Кроме того, в том, что кажется К. Марксу только частями, на самом деле содержится подлинная сущность, а то, что кажется ему целым, представляет собой на самом деле явление подлинной сущности. *Подлинная сущность обнаружена К. Марксом в ее поверхностных слоях и осознается как часть целого.*

Противоречивость понимания отношения семьи, гражданского общества и государства существует во взглядах К. Маркса вместе с противоречивым пониманием отношения идеи и предметной действительности. Семья и гражданское общество, по мнению молодого К. Маркса, есть «действительные духовные реальности воли»⁹. Действительным субъектом является не действительная идея государства (как у Гегеля), а собственный дух семьи и гражданского общества, их дух сам себя превращает в государство¹⁰.

Следовательно, К. Маркс, выдвигая прямо противоположное гегелевскому положение об определяющей роли семьи и гражданского общества по отношению к государству, все-таки имеет в виду не семью и гражданское общество сами по себе, а их дух. Таким образом, с одной стороны, К. Маркс уже во всеобщей форме отвергает наличие идеи как самостоятельного субъекта, а с другой стороны, *продолжает признавать ее в одной из ее форм* — в форме признания собственного духа семьи и гражданского общества. И здесь имеет место противоречие на стадии *противоположности*: новый взгляд противопоставляется во всеобщей форме старому, как исключаящий последний, но все-таки уровень исключения таков, что старый взгляд еще полностью не преодолевается.

Противоречие воззрений К. Маркса на отношение идеи, мышления и предметной действительности, достигшие стадии противоположности¹¹, проявляется в противоречивом понимании отно-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 225.

¹⁰ См. там же, стр. 235.

¹¹ Уже тождество, различие, разность есть стадии развития противоречия. Высшей, наиболее развитой стадией развития противоречия является стадия собственно противоречия.

шения «логики дела» и «дела логики», а также в противоречивом понимании способа, восхождения от абстрактного к конкретному.

В противоречии на стадии противоположности понимание внутреннего отношения противоположных сторон еще внутри себя отчасти содержит понимание внутреннего как внешнего. В противоположности стороны противоречат друг другу тем, что исключают друг друга, т. е. отрицают друг друга, и именно это отрицание образует их единство. В противоположности в отличие от собственно противоречия противоречивые стороны не проникают позитивно внутрь друг друга.

Так, на стадии противоположности единство старых и новых взглядов выступает преимущественно как отрицание новыми взглядами старых, однако уже осознается, что новые взгляды являются новыми именно в отрицании старых. В силу преобладания негативного отношения к старым взглядам сохраняются моменты их простого, зряшного отрицания, т. е. только отрицания, т. е. только внешнего отношения нового к старому, а значит, моменты отрыва нового от старого. Но при сохранении моментов отрыва нового от старого совершенно неизбежна и другая крайность: моменты полного отождествления нового и старого.

Лишь на этапе собственно противоречия, когда противоречивые стороны проникают друг в друга и новое полностью преобразует старое, полностью учитываются все рациональные моменты старого и новое последовательно отличается от старого.

К. Маркс последовательно, шаг за шагом, разбирает взгляды Гегеля на определенный предмет, т. е. действительно, фактически прослеживает (а не характеризует, как Л. Фейербах, взгляды Гегеля по сути дела только путем общих умозрительных соображений), дает или не дает спекулятивная философия возможность раскрыть сам определенный предмет, и поэтому его критика спекулятивной философии более четкая и рельефная. К. Маркс пишет совершенно отчетливо: Гегеля интересует только дело логики, специфическая сущность специфического предмета остается за бортом, «вся философия права представляет собой только дополнение, вставленное в логику»¹². Эта сторона дела действительно имеет место в философии Гегеля, она вытекает из сути его идеализма и является безусловно ведущей, главной. Но К. Маркс еще не отмечает с достаточной определенностью, что у Гегеля существует и другая сторона: вопреки идеализму Гегель то и дело проникает в суть рассматриваемых предметов.

В понимании логики определенного предмета у молодого Маркса наблюдается противоречивость, представляющая иную форму указанного выше противоречия, в трактовке отношения идеи и предметной действительности. К. Маркс стремится к изучению сущности определенного предмета (в данном случае государства) такой, какова она действительно есть. Он против того,

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 236.

чтобы рассмотрение государства служило только для обоснования логики. Однако противопоставляется этому необходимость логики служить для обоснования государства. Это положение было бы приемлемым и для зрелого марксизма, если бы логика не представлялась фактически главным средством обоснования государства, как будто дело преимущественно состоит в доказательстве истинности, разумности или неистинности, неразумности. «В центре интереса стоит здесь (у Гегеля.—В. В.) не философия права, а логика. Работа философии заключается здесь не в том, чтобы мышление воплощалось в политических определениях, а в том, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли»¹³. Если утверждается, что «мышление воплощается в политических определениях», то тем самым неявно допускается первичность и определяющая роль мышления по отношению к политике. А тогда совершенно правильно говорить именно о специфическом духе политики, а не — просто о специфике политики.

В этом рассуждении и в других рассуждениях К. Маркса пока еще сохраняется также противоречивое понимание проблемы абстрактного и конкретного. Л. Фейербах решал ее сравнительно поверхностно: «Путь, которым до сих пор шла спекулятивная философия от абстрактного к конкретному, от идеального к реальному, — извращенный путь. По этому пути мы никогда не придем к *подлинной, объективной* реальности, но всегда только к *реализации своих собственных абстракций...*»¹⁴. В общем и целом Л. Фейербах отождествлял восхождение от абстрактного к конкретному с движением от идеального к реальному. Из такого отождествления исходил Гегель. Но Гегель *утверждал* движение от абстрактного к конкретному, отождествляя его с движением от идеального к реальному, понимая восхождение вместе с тем и как процесс создания реального. Л. Фейербах *отрицал* процесс восхождения как процесс порождения идеальным реального, однако тут-то он выплеснул из ванны вместе с водой ребенка, в целом не поняв действительного, подлинно научного значения восхождения от абстрактного к конкретному.

К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» рассуждает более глубоко, а большая глубина означает вместе с тем и более развитую ступень противоречивости понимания восхождения от абстрактного к конкретному. С одной стороны, как Гегель и Л. Фейербах, К. Маркс отождествляет восхождение от абстрактного к конкретному с представлением о порождении идеальным материального и, как Фейербах, отвергает такое представление¹⁵.

С другой стороны, К. Маркс в отличие от Л. Фейербаха совершенно определенно, как и прежде, отмечает заслугу Гегеля в

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 236.

¹⁴ Л. Фейербах. Избр. философск. произв., т. 1. М., Политиздат, 1955, стр. 121.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 235—236.

развитии воззрений на государство: «Взгляд на политическое государство как на организм и, следовательно, взгляд на разделение властей не как на механическое расчленение, а как на расчленение живое и разумное,—знаменует большой шаг вперед»¹⁶. Познание же организма невозможно без применения способа восхождения от абстрактного к конкретному. Более того, К. Маркс и в общей форме продолжает признавать необходимость рассудочного и разумного познания, а разумное познание как раз и есть конкретное мышление, мышление, осуществляющееся способом восхождения от абстрактного к конкретному. В связи с тем, что непосредственно на первом, плане стоит у Маркса критика гегелевской философии права, столь же непосредственно на первый план выступает отождествление восхождения от абстрактного к конкретному с движением от идеального к реальному и отрицание правомерности движения от идеального к реальному.

На той стадии исследования, когда преобладает отрицание унаследованного мыслительного материала, возникает противоречие между простым отрицанием (без сохранения позитивного содержания) старого, принятием действительно истинных моментов старого без их переработки и подлинно диалектическим отрицанием, выделением рациональных моментов старого в чистом виде. На всех стадиях развития противоречия между старым и новым, вплоть до стадии собственно противоречия, сохраняются моменты простого отрицания старого наряду с моментами его подлинно диалектического отрицания.

Вслед за рассмотрением общих, предварительных замечаний Гегеля К. Маркс анализирует в первой части рукописи рассуждения Гегеля о власти государя, правительственной и законодательной власти. (Первая часть заканчивается разбором § 303.) Во второй части продолжается рассмотрение законодательной власти, но на более глубоком уровне.

Анализируя сказанное Гегелем о власти государя, К. Маркс показывает, как с точки зрения гегелевского спекулятивного метода предстает отчужденное отношение сферы частных и сферы всеобщих интересов. Гегелевская спекуляция, показывает К. Маркс, имеет своим необходимым следствием не критическое отношение к существующему, к эмпирии. «Ведь у Гегеля речь идёт не о том, чтобы эмпирическое существование свести к его истине, а о том, чтобы истину свести к некоему эмпирическому существованию, и при этом первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как *реальный* момент идеи»¹⁷. Следовательно, существующее отчуждение сферы всеобщих интересов от сферы частных интересов берется некритически. С точки зрения спекуляции невозможно критически рассмотреть существующее отчуждение. Другим следствием является то, что поскольку

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т; 1, стр. 229. ¹⁷ Там же, стр. 263.

истинное соотношение ставится здесь на голову, наиболее крайние» развитые формы отчуждения сферы частных и сферы всеобщих интересов представляются высшим развитием идеи и тем самым они освящаются и увековечиваются.

Своего полного развития, считает Гегель, идея достигает не в республике и тем более не в демократии, а в конституционной монархии. Гегель описывает эту форму государственного устройства как подлинное осуществление развитой идеи, он исходит из этих конституционных предпосылок.

К. Маркс в прямую противоположность Гегелю в конституционной монархии видит высшее завершение отчужденного существования государства. Взгляд К. Маркса находится в исключительной противоположности к взгляду Гегеля.

Отношение прямой противоположности, только исключения старого необходимо связано с тем, что в новом сохраняются моменты отождествления нового и старого. В самом деле. Конституционная монархия есть выражение компромисса феодального и буржуазного обществ, высшей формы отчуждения достигает в развитом буржуазном обществе. Просто отрицать то, что Гегель, утверждает в качестве высшей формы отчуждения, — значит вместе с тем в определенной мере принимать исходные посыпки Гегеля.

Тот же самый в методологическом аспекте ход рассуждения присутствует в понимании К. Марксом будущего. Если Гегель полагает, что подлинное осуществление развитой идеи произошло в настоящем (в существующем прусском государстве), то К. Маркс пока еще в значительной мере просто переносит, опять-таки в прямую противоположность Гегелю, осуществление развитой идеи с настоящего на будущее: в демократии, когда она как сущность, род воплотится в действительности, и произойдет полное устранение отчуждения всеобщих интересов от частных. И тут прямое и простое отрицание старого внутренне связано с тем, что: отрицающий исходит вместе с тем из предпосылок старого: в будущем предполагается осуществление сущности, рода как таковых, а это и есть фактически гегелевское представление об осуществлении абсолютной идеи, идеи как таковой.

Соответственно противоречивы взгляды К. Маркса на сущность и явление. Гегелевский взгляд на осуществление в действительности идеи как таковой необходимо подразумевает признание абсолюта, всеобщего, сущности, как таковых, оторванных от особенного, единичного, явлений, признание сущности, всеобщего как лишь воплощающихся в явлениях, в особенном и единичном, сведение явлений к сущности, особенного и единичного к всеобщему.

Уже в философии Гегеля в противоречии с этим (на ступени конкретного тождества) допускалось отличие явления от сущности, особенного и единичного от всеобщего и т. д. У Маркса в рассматриваемое время противоречие достигает ступени против-

положности. К. Маркс выдвигает в общем виде положение о том, что частное, особенное, единичное, явление в конечном счете определяют всеобщее, сущность в прямую противоположность воззрению Гегеля об определяющей роли целого, всеобщего, сущности. Но одновременно К. Маркс продолжает исходить, подобно Гегелю, из сугубо внешнего отношения, из отрыва частного, особенного, единичного, явления от целого, всеобщего, сущности. К. Маркс продолжает признавать возможность осуществления в действительности сущности и т. д., как таковой, т. е. продолжает неосознанно сохранять взгляд, который по своей сути связан с утверждением об абсолютно определяющей роли сущности, всеобщего, целого. К. Маркс, сознательно отвергая гегелевское положение об определяющей роли всеобщего, сущности, целого, не осознает, что вместе с тем придерживается его в форме, специфичной для гегелевского идеализма.

Тот же самый (в методологическом аспекте) ход рассуждений наблюдается и во взглядах К. Маркса на периодизацию истории.

В основу классификации исторических периодов теперь берется более глубокое, нежели раньше, основание: характер отношения сферы всеобщего и сферы частного интересов. Существующее вначале непосредственное тождество всеобщих и частных интересов, государства и гражданского общества, семьи раздваивается, различные стороны, приобретают безразличное существование друг к другу, к их единству, и все они исключают друг друга (государство нового времени), затем как бы происходит возвращение к исходному пункту, но теперь тождество есть не непосредственное, а опосредствованное тождество различного (осуществление демократии как рода).

Все, что в этом параграфе было выше сказано о взглядах К. Маркса на демократию, определяет и понимание им прошлого. Здесь следует лишь добавить, что если допускается возможность осуществления сущности рода как таковых, то, будучи последовательным, необходимо сохранить и гегелевское представление о них как о чем-то изначально данном, как о цели истории.

Кроме того. Отмеченное выше противоречие проявляется здесь в различении и вместе с тем смешении исторических периодов. Например, оно видно в следующем высказывании К. Маркса: «*Политическая жизнь* в современном смысле есть *схоластицизм* народной жизни. *Монархия* есть законченное выражение этого отчуждения, *республика* же есть отрицание этого отчуждения внутри его собственной сферы»¹⁸.

В социально-политическом плане стремление К. Маркса к беспощадно трезвой критике существующего прусского государства и освящения его в философии Гегеля, констатация сторон, отношений средневекового, буржуазного и будущего обществ как

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 254.

исключающих друг друга противоположностей существует одновременно с моментами отождествления отношений, черт, сторон средневекового, буржуазного, будущего обществ друг с другом.

Это исключение, различие и смешение можно обнаружить и во взгляде К. Маркса на конституционную монархию как высшую форму отчуждения государства от системы частных интересов, и в понимании сущности человека, и в ряде других вопросов.

Противоречивость взглядов молодого К. Маркса на конституционную монархию соответствует противоречивости его взглядов на сущность человека.

Критикуя средневековое представление Гегеля о том, будто бы данный индивид предназначен быть монархом (т. е. осуществлять социальную функцию) непосредственно в силу своей природы, физического рождения, К. Маркс развивает свой взгляд на сущность человека. Средневековый, феодальный взгляд на сущность человека заключается в том, что человек выступал как социальный по физической природе, т. е. наследственно принадлежал к определенной социальной группе. Следовательно, эта природа не у всех людей была одинаковой. Если некритически стоять на почве средневековья, то люди выступают как разделенные на социальные группы в зависимости от физического происхождения, социальные группы представляются тогда делением на животные виды. Для воззрений на сущность человека, произрастающих на основе некритического восприятия буржуазного общества, характерен взгляд на сущность человека как на нечто природное. (Позднее, например в «Тезисах о Фейербахе», К. Маркс покажет, что антропологическая интерпретация сущности человека — это точка зрения, неизбежная при некритическом подходе к буржуазному обществу.) Но буржуазный и феодальный взгляды на сущность человека отличаются друг от друга. В частности, буржуазное представление о сущности человека заключается в том, что сущностью представляется сугубо индивидуальная природа человека и главным образом то, что присуще человеку в процессе онтогенеза; физическая природа людей не разделяется на виды (в действительности различия этих видов есть социальные различия, хотя человеку, захваченному в плен средневековыми отношениями, они неизбежно представляются природными).

К. Маркс, пока еще не отделяя сознательно и вполне последовательно феодальное представление о человеке от буржуазного, иногда подвергает критике то, что ему кажется средневековым взглядом, а на самом деле является лишь средневековой оболочкой буржуазного взгляда. Так, К. Маркс пишет: «Но если государь есть абстрактное *лицо*, содержащее в себе *государство*, то это вообще означает лишь то, что сущность государства есть абстрактное, *частное лицо*. Только на стадии своей зрелости государство и выдает свою тайну»¹⁹. Но частное, абстрактное, по определению

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 264.

К. Маркса, лицо становится сущностью государства в современном (т. е. буржуазном по сути) государстве.

Воззрения К. Маркса на сущность человека не сформировались. К. Маркс уже подчеркивает: «... сущность «особой личности» составляет не её борода, не её кровь, не её абстрактная физическая природа, а её *социальное качество...*»²⁰. Но что подразумевается К. Марксом под социальным качеством? На этот вопрос отвечает продолжение уже процитированного предложения: «...и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека»²¹. На стр. 262—263 К. Маркс пишет о государстве как о высшей социальной действительности человека, т. е. как о высшей реализации существенных качеств действительных индивидов. Следовательно, сущность действительного человека прежде всего и главным образом в том, что он есть *государственный* индивид. Тут сказывается, на наш взгляд, непреодоленное до конца представление, будто политическая жизнь общества, а не материальная, экономическая жизнь, является определяющей.

Семья, гражданское общество — тоже способы социального существования человека, способы осуществления его сущности. «Если при рассмотрении семьи, гражданского общества, государства и т. д. эти социальные формы существования человека рассматриваются как осуществление его сущности, как её объективирование, то семья и т. д. выступают как качества, внутренне присущие субъекту. Человек всегда остаётся сущностью всех этих социальных образований, но эти образования выступают также и как его *действительная* всеобщность, поэтому также и как *общее* всем людям»²². Здесь К. Маркс уже преодолевает, но еще не до конца преодолел представление о сущности человека, вырастающее на почве буржуазного общества.

Взгляд К. Маркса противоречив. С одной стороны, сущность человека как действительная всеобщность есть социальное образование (семья, гражданское общество, государство и т. д.). С другой стороны, социальные образования внутренне присущи индивидам лишь как их *качества*, а следовательно, присущи непосредственно отдельному человеку (правда, как возможность). Это, по сути дела, не преодоленная до конца робинзонада (типичное буржуазное представление, усвоенное К. Марксом в отмеченной выше конкретной форме, в значительной мере под влиянием Фейербаха), и она не случайно сохраняется. Собственную, внутреннюю суть, всеобщность материальной жизни общества, материальные общественные отношения К. Маркс пока не выявил. Следовательно, собственная всеобщность сферы частных интересов не была открыта, а в качестве ее выступало государство как целое, как то, что» объединяет частные интересы.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 242.

²¹ Там же.

²² Там же, ср. 263—264.

Итак, в методологическом плане противоречия во взглядах К. Маркса достигли ступени *противоположности*.

Критика К. Марксом гегелевских взглядов на правительственную власть составляет второй раздел первой части рукописи «К критике гегелевской философии права».

Отношение государя и народа затемнено промежуточными звеньями (правительственная власть, сословное представительство). В отношении бюрократии и народа наиболее явно, непосредственно выступает противоположность сферы всеобщего и сферы частных интересов. Именно анализируя это отношение, К. Маркс еще до написания «Рукописи 1843 г.» пришел к выводу о существующей противоположности всеобщего и частного интересов.

Следовательно, для первоначального обнаружения (пока преимущественно в негативном плане) подлинного отношения сущности и явления необходимо найти *в явлении* (здесь в сфере государства) такие *стороны, которые непосредственно связаны с сущностью*. Их изучение и позволяет раскрыть действительное общее отношение сущности и явления, хотя сущность на этом этапе не выделяется в чистом виде, схватывается в ее поверхностном слое и, с одной стороны, отличается от явления, а с другой стороны, отождествляется с явлением.

«Так как Гегель «полицейскую» и «судебную» власть уже отнёс к сфере *гражданского общества, то правительственная власть* есть не что иное, как администрация, которая рассматривается им в качестве *бюрократии*»²³. К. Маркс в отличие от более ранних высказываний о бюрократии определяет в «Рукописи. 1843 г.» во всеобщей форме необходимые отношения внутри бюрократии, а также необходимые отношения бюрократии и сферы частных интересов. Шаг вперед в понимании бюрократии К. Марксом заключается также в более отчетливом различении объективной сути бюрократии и необходимых иллюзий, которые обуславливаются этой сутью. Взгляды К. Маркса на суть бюрократии мы рассматривали выше. Поэтому здесь мы не будем воспроизводить рассуждения К. Маркса об отношении бюрократии и народа. Отметим лишь несколько важных моментов из раздела «Рукописи 1843 г.», посвященного критике воззрений Гегеля на правительственную власть.

В характеристике К. Марксом позиции Гегеля обнаруживается то же противоречие, какое имелось и в предыдущих разделах рукописи К. Маркса: отрицание средневековья и вместе с тем смешение сторон, черт средневекового и буржуазного обществ. Отрицание и отождествление находятся также на ступени исключаящего единства противоположностей. Названное противоречие проявляется, во-первых, в резком и отчетливом отрицании представлений Гегеля об административной власти, во-вторых, в неустойчивом определении этих взглядов Гегеля. К. Маркс то отмечает, что

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 268—269.

«вершиной гегелевского тождества были, как он (Гегель. — В. В.) сам признаёт, *средние века*»²⁴, то доказывает, что сословия — элемент, долженствующий в философии права Гегеля примирить противоположность интересов государства, правительства и народа, — имеют у Гегеля не средневековый смысл. Следовательно, К. Маркс видит в Гегеле то защитника лишь средневековья, то защитника компромисса между средневековым и буржуазным государством.

Из анализа К. Марксом бюрократии следует, что развитие бюрократии происходит на всем протяжении истории человечества (первобытнообщинный строй тут, конечно, не имеется в виду), а в наиболее развитом виде бюрократия существует в современном обществе. Однако так как К. Маркс еще не выявил сущности буржуазного общества, то он еще не мог последовательно различить суть буржуазного и феодального обществ. С одной стороны, в качестве подлинно современного для него фактически выступает капитализм. С другой стороны, изучение бюрократии и Гегелем не Марксом отнюдь не в последнюю очередь основывалось на рассмотрении конституционной наследственной монархии, и конституционная монархия выступала для К. Маркса как подлинно современное государство наряду с республикой типа Северо-Американской республики.

В любом случае К. Маркс показывает, что бюрократия основывается на отчуждении всеобщего интереса (государства) от частных интересов (семьи и гражданского общества), что это — непримиримые противоположности, что Гегель стремится примирить их, создавая на самом деле лишь видимость примирения, что Гегель фактически увековечивает существование бюрократии и разделяет иллюзии бюрократов о самих себе, что на самом деле противоположность всеобщего и частного интересов не может быть примирена, а должна быть разрешена.

Гегелевскую методологию, в которой всеобщее обособляется от частного, особенного, единичного и тем самым превращается в частное, особенное, единичное, в мнимо всеобщее, во всемогущее всеобщее, из себя творящее частное, особенное, единичное, К. Маркс совершенно отчетливо понимает как некритическое отражение действительного обособления политического строя (в *той* числе администрации) от гражданского общества. Следовательно, К. Маркс фиксирует с определенной степенью глубины социально-политические корни гегелевской методологии. (Здесь необходимо иметь в виду, что уровень выделения социально-политических корней противоречив, вполне соответствуя противоречивому пониманию К. Марксом сущности и явления, гражданского общества и государства.)

Правительственная исполнительная власть в условиях обособления политического государства от гражданского общества,

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 301.

обособления всеобщего интереса в качестве самостоятельного от народа представляет собой мнимо всеобщий интерес, мнимо народное управление. Уже при рассмотрении бюрократии К. Маркс показал: чтобы сохранялось отделение администрации от народа, бюрократическая администрация должна создавать видимость народного управления, не допуская народ до действительного воздействия на государственное устройство, должна поддерживать разделение народа на корпорации. Исполнительная власть есть прямое непосредственное существование власти. Допущение народа к участию в исполнительной власти, даже не к действительному, а только мнимому, видимому участию, непременно и довольно быстро раскрывает видимость участия народа в политике. Напротив, в законодательной власти, обособленной от исполнительной, мнимо действительное участие народа в политике объективно завуалировано, ибо законы осуществляются не теми, кто их издает.

Итак, обособленность гражданского общества и политического государства, народа и политического строя получает объективную видимость преодоления в мнимом участии народа в законодательной власти. «Сословный элемент есть санкционированная, узаконенная ложь конституционных государств: государство является-де интересом народа, или народ—интересом государства... В качестве законодательной власти, эта ложь прочно установилась именно потому, что законодательная власть имеет своим содержанием всеобщее и, являясь более делом знания, чем воли, представляет собой *метафизическую* государственную *власть*, тогда как та же ложь, в качестве правительственной власти и т. д., непременно должна была бы или немедленно рассеяться, или же превратиться в правду»²⁵.

При наличии обособленности политического государства от гражданского общества действительное участие народа в политических, государственных делах остается лишь видимостью, иллюзией. Гегель, доказывает К. Маркс путем точного изучения его высказываний, исходит из признания раздельности политического государства и гражданского общества, эту раздельность он описывает только как существующую, некритически, и потому видимость участия народа в политических, государственных делах (сословное представительство), объективную видимость разрешения противоречия между народом, гражданским обществом и политическим государством принимает за действительное разрешение противоречия.

Следовательно, если выделить методологический аспект рассуждений К. Маркса, то можно сказать, что некритический подход, осмысление настоящего, существующего как только существующего необходимо обусловило принятие (Гегелем) объективной видимости за сущность, а так как в объективной видимости про-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 293.

тиворечие кажется примиренным, превратившимся в тождество, то представляется, будто в сущности противоречие примиряется, исчезает. Следовательно, с одной стороны, существующее описывается Гегелем так, как оно непосредственно дано и в этом смысле описывается верно, с другой стороны, существующее описывается некритически, но с задачей представить сущность, и потому в качестве сущности выступает как раз самое поверхностное, то, в чем сущность предстает непосредственно в наиболее иллюзорном виде.

Видимость действительного единства народа, гражданского общества и государства легче всего разоблачается при рассмотрении отношения исполнительной власти и гражданского общества народа и труднее всего поддается раскрытию при изучении отношения законодательной власти и гражданского общества, народа. Поэтому проникновение в суть тайны происходит при анализе исполнительной власти. Однако после того, как объективное действительное обособление гражданского общества, народа и политического государства перестало быть тайной, рассмотрение законодательной власти углубляет понимание отношения гражданского общества, народа и политического государства.

В самом деле. При рассмотрении других сторон политического государства непосредственно в нем гражданское общество не выступало. Напротив, теперь гражданское общество, пусть мнимо, по видимости, не непосредственно, имеется в политическом государстве. Критика этой видимости, выявление действительного противоречия, которое оно скрывает, заставляет более подробно и пристально изучить гражданское общество.

В *методологическом аспекте* речь идет о том, что действительное проявление сущности (которое как таковое в чистом виде еще не осознается мыслителем) имеет разные стороны, более или менее непосредственно связанные с действительной сущностью (последняя тоже еще не познана мыслителем в чистом виде). Действительная сущность нащупывается посредством анализа той стороны явления, которая наиболее непосредственно связана с сущностью. Изучение отношения действительных сущности и явления ведется сначала главным образом через призму сторон того, что есть на самом деле явление, но что принимается за сущность. От стороны явления, с которой сущность только связана, хотя и непосредственно, к стороне явления, которая сама есть сущность, но сущность только как видимая. Через изучение этой стороны явления и обнаружение в ней противоречий осуществляется переход уже к рассмотрению сущности и явления главным образом через призму сущности. И тут к указанным выше типам противоречий у Гегеля должно добавить следующее: Гегель, принимая в конечном итоге видимость, поверхность и явление за действительное, существенное отношение, вместе с тем начинал проникать во внутренние связи, скрытые за поверхностью. В разделе «Внутреннее государственное устройство» догадки о действительной сути более

отчетливы именно там, где он разбирает законодательную власть²⁶.

К. Маркс констатирует прежде всего противоречие законодательной власти (власти, определяющей целое, всеобщий интерес) и государственного строя: «Коллизия здесь проста. *Законодательная власть* есть власть, которая должна организовать всеобщее. Она есть власть, которая должна установить государственный строй. Она выше государственного строя.

Однако, с другой стороны, законодательная власть есть власть, установленная сообразно государственному строю. Она, следовательно, подчинена государственному строю. Государственный строй есть *закон* для законодательной власти. Он *дал* законодательной власти законы и даёт их ей постоянно. Законодательная власть является законодательной властью лишь в пределах государственного строя, а государственный строй стоял бы hors de loi (вне закона. — *Ред.*), если бы он стоял вне законодательной власти. Voila la collision! (Вот в чем коллизия! — *Ред.*)»²⁷.

Подход К. Маркса к разрешению этой антиномии принципиально отличен от подхода Гегеля. Гегель не разрешает антиномию, а превращает ее в другую, в которой антиномичность менее заметна, при этом он допускает противоречие по отношению к своим собственным взглядам. В самом деле. Гегель полагает, что разрешение антиномии состоит в постепенном усовершенствовании законодательства и что в поступательном движении правительственных дел развивается государственный строй. Следовательно, изменения государственного строя происходят постепенно и сверху.

Законодательная власть, замечает К. Маркс, занимается и тут неправомерным делом: она изменяет постепенно, а не сразу, по частям, а не в целом, незаметно государственный строй, между тем как, будучи установлена на основе этого государственного строя, она имеет его законы и не может изменять его. Антиномия не разрешена и не объяснена, она сведена к неявной форме. Сам Гегель понимает, что антиномия остается, но становится невидимой. «Иными словами: государственный строй, — пишет по этому поводу К. Маркс, — *есть с точки зрения закона (в иллюзии), но в действительности (поистине) он становится*. По своему назначению он неизменен, но в действительности он изменяется, только это изменение совершается бессознательно, оно не имеет формы изменения. *Видимость противоречит сущности*»²⁸.

К. Маркс отчетливо замечает непоследовательность Гегеля, о ней К. Маркс впоследствии скажет в более общей форме, не только применительно к философии права, а и к философии Гегеля вообще. Для Гегеля государство — высшее наличное бытие свободы, осуществление свободного духа. В таком случае государство должно

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 280—281.

²⁷ Там же, стр. 281.

²⁸ Там же, стр. 282.

изменяться не бессознательно, а осознанно (свобода — познанная необходимость). Между тем у Гегеля изменение государственного строя происходит бессознательно. «Гегель стремится везде представить государство как осуществление свободного духа, но не *vega* (на самом деле. — *Ред.*) ищет выхода из всех трудных коллизий в природной необходимости, стоящей в противоречии к свободе»²⁹.

Изменение государственного строя как целого становится необходимостью в условиях обособления политического государства. от гражданского общества тогда, когда частный интерес переходит во всеобщий интерес. *Бюрократический аппарат по своей природе* (это К. Маркс доказывал в статьях в «Рейнской газете», доказывает и в «Рукописи 1843 г.») *не способен изнутри изменить* принципы управления, государственный строй *в целом*. Поэтому устранение коллизии между действительно всеобщим интересом и старым государственным строем возможно не постепенно, а *только скачкообразно, посредством народной революции*.

Сама коллизия между законодательной и исполнительной властью, между разившимся народом и устарелым в целом государственным строем существует при условии обособления государственного строя от гражданского общества, от народа, при протекающем из первого условия различном происхождении законодательной и политической власти (законодательная власть — представительница воли народа, а исполнительная власть — представительница иллюзорно всеобщего интереса, обособленного от народа).

Следовательно, уничтожение обособления политического государства от гражданского общества есть упразднение и коллизии между законодательной и исполнительной властью, есть устранение бюрократического государственного аппарата, есть исчезновение необходимости народных революций, ибо сам народ становится, носителем своего государственного строя.

Итак, К. Маркс уже пришел абстрактно-теоретически к выводу, что с осуществлением демократии как рода необходимо будет сломан бюрократический государственный аппарат и исчезнет необходимость в народных политических революциях. (Правда, К. Маркс, хотя и отличает, но еще не до конца отчетливо отличает буржуазные революции от революций, осуществляющих демократию как род. Точно так же К. Маркс уже различает, — но опять-таки не до конца отчетливо — буржуазное и феодальное государства.) В условиях же наличия коллизии между государственным строем и законодательной властью — эта коллизия «есть не что иное, как *конфликт государственного строя с самим собой*, противоречие в понятии государственного строя»³⁰.

Следовательно, это — противоречие обособленных, оторванных друг от друга действительной сущности и действительного яв-

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 283.

³⁰ Там же, стр. 284.

ления внутри самого явления. Или, другими словами, это — противоречие между иллюзорно всеобщим, т. е. всеобщим, оторванным от частного, единичного, и действительно всеобщим, т. е. всеобщим самого частного, внутри иллюзорно всеобщего.

Переход от анализа власти монарха к анализу власти бюрократии есть прежде всего переход от анализа стороны явления, более удаленной от сущности, к стороне явления, более близко стоящей к сущности. Но и власть монарха и власть бюрократии сливаются с существующим строем, утверждают его. Поэтому пока К. Маркс критикует соответствующие разделы гегелевской философии права, он не вынуждается предметом критики специально различать смешение элементов средневекового и буржуазного государств в конституционной монархии. Но когда К. Маркс переходит к критике гегелевских представлений о законодательной власти, он прямо сталкивается с отрицанием государственного строя внутри него самого. (Всякий новый закон, относящийся к государству в целом, есть изменение государственного строя.) Вот тут-то и встает специально и конкретно вопрос об отношении средневекового и современного (т. е. буржуазного) строя. Оказывается необходимым поднять на более высокий уровень критику существующего государства и философии права Гегеля. Не случайно К. Маркс, начав критику воззрений Гегеля именно на законодательную власть, прервал на время критику и обратился к изучению фактической истории многих стран Европы.

Итак, К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» идет от поверхности, явления (здесь еще то и другое не различено) к сущности. Сначала анализируется сторона явления, связанная с сущностью промежуточными звеньями, в ее отношении к сущности, затем — другая, сторона явления, непосредственно связанная с сущностью, в его отношении к сущности. Сначала акцент делается на обособлении явления и сущности друг от друга, затем акцент в большей степени переносится на установление как обособления, так и исключаящего единства. Наконец, в самом явлении изучается такая сторона (законодательная власть), в которой отрицание существующей исторической формы явления выступает в самом явлении. Тогда и встает специально вопрос об исторической форме сущности.

Б. Второй этап работы К. Маркса над «Рукописью 1843 г.»

В предыдущих частях «Рукописи 1843 г.» К. Маркс сначала констатировал общее отношение между двумя сторонами, сферами — сферой семьи и гражданского общества и сферой государства. Он установил определяющую роль семьи и гражданского общества по отношению к государству и проследил отчуждение политического государства от гражданского общества и семьи. Затем К. Маркс продолжал рассматривать отношение политического государства и гражданского общества. В изучении отношения, во-

первых, непосредственно на первом плане стояла не характеристика в общей форме отношения самого по себе, а критика, отрицание прежних (гегелевских) взглядов на это отношение, во-вторых, отношение рассматривалось сквозь определяемую сторону (политическое государство). Такое рассмотрение само по себе *противоречиво*: данная сторона не является в действительном отношении определяющей, между тем отношение раскрывается главным образом именно в свете этой неопределяющей стороны. До тех пор пока исследователь, изучая отношение определяющего и определяемого, сущности и поверхности, явления идет от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности, остается противоречие познания, вытекающее из переворачивания действительного изучаемого отношения: определяемое не может последовательно выступить в качестве определяемого, а определяющее — в качестве определяющего. Определяемое и определяющее предстают в их действительной роли, и, кроме того, определяемое неосознанно в той или иной степени фигурирует как определяющее, а определяющее — как определяемое. Это противоречие обнаруживается все более отчетливо по мере завершения движения познания от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности.

Мы уже отмечали (хотя и не в общей форме) следующие этапы в рассмотрении К. Марксом отношения государства и гражданского общества в свете определяемого члена отношения. Сначала, берутся моменты определяемого, связанные с определяющим фактически не непосредственно, а через промежуточные звенья, через другие моменты определяемого (критика гегелевских взглядов на власть государя). Затем то же самое происходит с моментами определяемого, непосредственно связанными с определяющим (критика представлений Гегеля о правительственной власти). Далее изучаются те моменты определяемой сферы, которые не просто связаны с определяющей сферой, но в которых сама определяющая сфера *непосредственно есть* в том или ином виде, в том или ином аспекте. Этот последний шаг имеет *переломное* значение. Отмеченное противоречие созревает и становится *явным*. Разрешение его возможно лишь путем перехода к рассмотрению отношения определяемой и определяющей сфер через призму главным образом определяющей сферы. Однако в действительном познании разрешение созревающих и становящихся явными противоречий познания не происходит чисто логическим путем. *В такие переломные моменты необходимо новое обращение к фактам, их углубленный анализ и обобщение.*

Обе стороны, имеющиеся в познании на переломном этапе, существуют внутренне едино: скачок не может совершаться ни чисто логическим путем, ни посредством исключительно изучения и обобщения фактов в отрыве от выявившихся противоречий познания. Необходимо *и* обнаружение противоречий познания *и* новое изучение фактов для завершения познавательного переворота, ко-

торый происходит уже с самого начала изучения определяемого не только в качестве определяемого.

В процессе критики воззрений Гегеля на законодательную власть, и прежде всего в ходе анализа противоречия между законодательной властью и государственным строем, в противоречии между законодательной и исполнительной властью К. Маркс вполне закономерно обратился к фактическому исследованию истории и теории государства. Оно и было осуществлено в основном в июле — августе 1843 г. в Крейцнахе, одновременно с продолжением работы над «Рукописью 1843 г.» и дошло до нас в виде пяти тетрадей (более 250 страниц, написанных характерным Марксовым микроскопическим почерком).

«Крейцнахские тетради» написаны с целью решения вставших перед К. Марксом общих теоретических вопросов, прежде всего вопроса об отношении политического государства и гражданского общества. Это обстоятельство определяет характер «Тетрадей». Во-первых, в них охвачен огромный материал по истории Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Польши, Швеции с целью выделения закономерностей исторического процесса вообще, во-вторых, хотя собственных высказываний К. Маркса содержится в «Тетрадах» немного, но выписки ведутся не бессистемно, а под определенным углом зрения.

Собственные мысли К. Маркса, обобщающие его фактическое исследование истории государства, формулируются главным образом во второй части рукописи «К критике гегелевской философии права», а затем в статьях К. Маркса, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher».

Выше мы говорили о единстве критически-теоретического и фактического исследований. Но необходимо иметь в виду и их различие внутри единства. Критически-теоретический подход к фактам позволяет обнаружить в них то, что не выделяется само собой при простом накоплении фактов. Напротив, факты, рассмотренные для разрешения теоретических противоречий, влияют не только на тот уровень исследования, на котором произошло первое обращение к ним, но и на последующие уровни теоретического исследования. Так, К. Маркс использует материалы «Крейцнахских тетрадей» и в более поздних произведениях.

Во второй части «Рукописи 1843 г.» отношение политического государства и гражданского общества фиксируется в отличие от первой части преимущественно через рассмотрение гражданского общества. Но все-таки гражданское общество еще изучается в основном не внутри себя, а главным образом через отношение к политическому государству. Таким образом, переход от преимущественного анализа определяемой сферы к преимущественному анализу определяющей сферы не завершился исследованием определяющей сферы, сущности самой по себе, во внутреннем отношении ее сторон. Поэтому *отмеченное ранее противоречие* движения науки от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущ-

ности во второй части «Рукописи 1843 г.» и созревает, становится почти явным и еще пока не осознается, *не разрешается до конца*.

Рассмотрим указанное противоречие в ближайшей связи с той формой, какую оно имеет непосредственно в «Рукописи 1843 г.».

Раздельность, или, точнее, противоречие, гражданского общества и политического государства есть действительное положение современного (Марксу) общества, а тождественность гражданского Общества и политического государства — действительное положение средневекового общества. Общеизвестное имя дела, о котором идет речь, — об этом К. Маркс впервые пишет прямо — спор между представительным и сословным строем. Таким образом, речь идет о споре между современным (т. е. буржуазным) и средневековым строем.

Основа современного политического государства — гражданское общество. Как же К. Маркс характеризует гражданское общество? В противоположность Гегелю, отождествляющему частное сословие с политическим сословием, К. Маркс доказывает, что, при наличии отрыва гражданского общества и государства друг от друга гражданское общество само по себе *«не имеет политического значения и политической действительности»*³¹, является не политическим, а частным сословием. Следовательно, К. Маркс лишь отрицательно определяет гражданское общество, через его отрицательное отношение к политическому государству. Кроме того, К. Маркс в критике Гегеля еще и здесь не полностью порвал с предпосылками критикуемых взглядов: он различает частное, *социальное* сословие от *политического* сословия, однако не освобождается от представления, будто гражданское общество, оторванное от политического государства, есть все еще *сословие*. Здесь опять-таки дает себя знать общая *закономерность*, присущая, на наш взгляд, всему процессу возникновения и формирования всякой новой теории: критика какой-либо теории сама в известной (и чем ближе к началу возникновения новой теории, тем в большей) степени исходит из тех же предпосылок, допущений, что и критикуемая теория.

Поскольку государство и гражданское общество оторваны друг от друга, постольку «и гражданин государства оторван от гражданина как члена гражданского общества»³². Отделение, обособление политического государства (всеобщего интереса) от гражданского общества есть вместе с тем и обособление членов гражданского общества друг от друга. Действительно всеобщий интерес членов гражданского общества может вырастать тогда как интерес, одинаковый каждому отдельному индивиду, а не как интерес, общий им всем вместе как единому целому. Правда, К. Маркс начинает уже догадываться в контурной форме о единстве внутри отчуждения. Об этом он писал еще при разборе § 262 «Философии права» Гегеля.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 306.

³² Там же, стр. 307.

К. Маркс в общем и целом находится на пути от изучения политического государства к изучению гражданского общества самого по себе, от определяемого к определяющему, от поверхности, явления к сущности. К. Маркс еще не сделал своей главной задачей выведение политического государства из гражданского общества, он не исследовал гражданское общество само по себе. По этому, естественно, характеристика единства гражданского общества и политического государства, а также единства внутри гражданского общества враждебно противостоящих друг другу индивидов отступала на задний план перед характеристикой отчуждения, отрыва политического государства от гражданского общества, а значит, и перед рассмотрением изолированности членов гражданского общества.

Пока движение познания совершается в основном от поверхности к сущности, упор, естественно, делается на отличие поверхности и сущности друг от друга, *внутреннее единство их не становится предметом специального преимущественного изучения*, вследствие чего и поверхность и сущность предстают прежде всего *отдельно* друг от друга, а следовательно, *внешне*. Стороны сущности, поскольку они нащупываются, также выступают главным образом вне их единства.

К. Маркс в «Рукописи 1843 г.» высказывает мысли, в которых фактически уже намечаются более глубокие подходы к определению гражданского общества. Когда К. Маркс определяет гражданское общество просто как сферу, от которой оторван всеобщий интерес, политическое государство, то с такой точки зрения члены гражданского общества представляются изолированными друг от друга. Однако индивиды выступают хотя и как изолированные, но одинаковые, равные друг другу атомы. Такое понимание гражданского общества еще не выходит за пределы буржуазного представления о равенстве всех членов гражданского общества друг другу внутри этой сферы.

Следовательно, просто фиксирование противоречия, отрыва гражданского общества и государства как существующего отрыва, простой анализ существующего есть только констатация положения, не выводящая теоретически за рамки буржуазного строя.

Поскольку в исследовании К. Маркса преобладает изучение отчуждения, разрыва внутри единства, движение от политического государства к гражданскому обществу, а не выведение из последнего первого, постольку у К. Маркса еще не может произойти до конца отчетливой дифференциации новых взглядов от остатков буржуазных представлений.

Но во второй части «Рукописи 1843 г.» в более развитом виде, чем прежде, выявляется начинающееся изучение внутренних связей сферы материальных интересов. Уже прежде К. Маркс, конечно, знал различие между бедными и богатыми, лицами, имеющими собственность и не имеющими ее. Теперь в связи с установлением общего отличия социальных сословий, сословий в граждан-

ском обществе от политических сословий, различия между индивидами гражданского общества выступают как различия, специфические для сферы гражданского общества в его отрыве от политического государства, т. е. как различия в самой основе современного общества. Различия внутри гражданского общества самого по себе имеют своими главными критериями деньги и образование³³. Примечательно, что наряду с деньгами к критериям К. Маркс относит и образование. Это — остаток непреодоленного до конца представления о решающей роли сознания. Да и сами деньги не понимаются как материальное, общественное, экономическое отношение. Коль скоро члены гражданского общества различаются друг от друга деньгами и образованием, то, разумеется, людей, лишенных того и другого, нельзя назвать собственно членами гражданского общества, тем самым К. Маркс догадывается довольно определенно о том, интерес каких людей заключается в преобразовании самого гражданского общества и его отрыва от политического государства: «Характерно здесь только то, что люди, *лишённые всякой собственности, и сословие непосредственного труда, конкретного труда, в меньшей степени являются сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги*»³⁴. Конечно, тут К. Маркс не выделяет пролетариат, ибо людьми, лишенными собственности, могут быть и люмпен пролетарии, а люди непосредственного труда как сословие — это и крестьяне и городские ремесленники. Еще в сознании К. Маркса имеется известное отождествление трудящихся классов средневекового и буржуазного общества.

Но вместе с тем К. Маркс вплотную подошел к выделению пролетариата как главной силы, преобразующей гражданское общество и уничтожающей отрыв политического государства от гражданского общества.

К. Маркс впервые высказывает во второй части «Рукописи 1843 г.» мысль о том, что именно современное общество отделяет от человека его предметную сущность: «*Сословие не только базируется на разделении внутри общества как на господствующем законе, но оно отделяет человека от его всеобщей сущности, делает его животным, непосредственно совпадающим с определяющими его особенностями. Средние века — это животный период в истории человечества, человеческая зоология.*

Наше время, *цивилизация*, совершает ошибку в обратном направлении. Оно отделяет от человека, — как нечто только *внешнее*, материальное, — его *предметную* сущность. Оно не считает содержание человека его истинной действительностью»³⁵.

В приведенной цитате имеется и мысль, которая открывает К. Марксу новые горизонты, и характерные отождествления, свойственные переходу от менее глубокого к более глубокому уровню.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 311.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 313.

Во-первых, К. Маркс пишет об отделении предметной сущности человека от человека. Под предметной сущностью человека, по видимому, подразумеваются продукты труда. Здесь высказывается догадка о труде как сущности человека. Во-вторых, предметная сущность, с одной стороны, понимается как нечто всеобщее (ведь если в средние века происходит отделение всеобщей сущности от человека, а в цивилизации—обратное отделение, то предметная сущность, по К. Марксу, всеобща), с другой стороны, под всеобщей сущностью человека К. Маркс имеет в виду государство, политику. В-третьих, до сих пор в определенной степени сохраняется понимание истории в качестве осуществления разума и, в частности, здесь это проявляется в том, что отделение предметной сущности человека от человека называется всего только ошибкой цивилизации.

Идея об отделении предметной сущности, содержания человека от человека высказывается К. Марксом в «Рукописи 1843 г.» не случайно, она внутренне связана с ходом рассуждения К. Маркса о гражданском обществе и вытекает из них. Так как гражданское общество в его отрыве от политического государства есть общество атомизированных индивидов, то индивидуальное существование, потребление индивида и его способность к потреблению есть последняя цель такого общества. Но К. Маркс не просто осмысливает объективные (тут объективные буржуазные) отношения как существующие, он рассматривает их с точки зрения их отрицания. Собственно человеческое, объединяющее человека как род, отделяется от человека и существует как иллюзорно всеобщее, политическое государство. Внутри гражданского общества человеком можно быть лишь в качестве индивида. К. Маркс берет не только просто индивидов в качестве изолированных друг от друга, берет их не только с точки зрения сугубо частных интересов, но также и с точки зрения возможности и необходимости перехода, порождения гражданским обществом действительно всеобщего интереса. А тогда индивид гражданского общества есть человек и действительным человеком он может быть только в качестве индивида (при наличии отрыва гражданского общества и политического общества, политического государства друг от друга). Вполне естественно в таком случае действительным содержанием индивида становится то, благодаря чему он одновременно есть не просто изолированный индивид, а человек, то, что выводит индивида за рамки гражданского общества. Поскольку различия в гражданском обществе есть различия имущества и образования, постольку люди, лишенные собственности, выходят за пределы различий гражданского общества, являются его отрицанием. Люди, лишенные собственности, могут поддерживать свое существование только посредством труда. Тогда, разумеется, подлинным, действительным содержанием, сущностью члена гражданского общества как человека оказывается труд. Одновременно, поскольку каждый член гражданского общества есть именно индивид, оторванный от других ин-

дивидов, противостоящий со своими частными интересами частным интересам других индивидов, постольку главным для него является поддержание своего физического существования, а все остальное, в том числе труд, служит средством: «Современное гражданское общество есть последовательно проведенный принцип *индивидуализма*, индивидуальное существование есть последняя цель; деятельность, труд, содержание и т. д. суть *только средства*»³⁶.

Однако было бы неверно не только преуменьшать, а и преувеличивать степень зрелости рассуждений К. Маркса об отделении предметной сущности человека от человека. К. Маркс фиксирует то обстоятельство, что главным в гражданском обществе является потребление, поддержание физического существования. Но в основном не выделены материальные связи, отношения, служащие не чем-то внешним для индивида, а представляющие его сущность как члена общества. В той мере, в какой не обнаружены материальные связи членов гражданского общества, члены гражданского общества фактически, неосознанно выступают просто как изолированные друг от друга, а сущностью индивидов оказываются не собственно материальные отношения, а их государственное, политическое качество.

Итак, налицо противоречие. С одной стороны, сущность человека есть политика, государство, с другой стороны, труд по поддержанию физического существования; с одной стороны, гражданское общество есть только и просто сумма изолированных индивидов (так обстоит дело фактически), с другой стороны, предугадываются общественные связи внутри гражданского общества (член гражданского общества, хотя и в качестве только индивида, есть человек, т. е., согласно К. Марксу, обладает действительно всеобщим качеством).

К. Маркс во второй части «Рукописи 1843 г.» делает шаг вперед в познании сферы сущности (материальной жизни общества). Сфера сущности берется уже не только в отношении к своему проявлению, начинают (пока только начинают!) обнаруживаться различия внутри самой сферы сущности. Причем изучается исторически определенная стадия развития сущности и критика этой стадии позволяет подойти к ней исторически, как к исторически преходящей.

Однако теоретическое выделение специфики этой стадии развития сущности, ее проявления и отношения этой сущности и ее проявления не проведено до конца. Мы имеем дело пока с переходным состоянием: данная стадия (буржуазное общество) и отличается от предыдущей и последующей стадии и пока отчасти сливается в сознании мыслителя с предыдущей и последующей стадиями. Так происходит всегда, когда имеют дело с еще не созревшей стадией развития предмета, а также тогда, когда исследо-

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 312.

ватель не выделил сущность стадии развития, даже если она созрела, и не изучил эту сущность самое по себе. По мере проникновения в сущность данной стадии происходит все более полное и глубокое отличие ее от других исторических стадий развития того же процесса. С завершением движения познания от поверхности, явления к сущности и с переходом к изучению сущности самой по себе завершается первый, начальный этап отличия данной стадии от других исторических стадий.

В «Рукописи 1843 г.» К. Маркс находится уже на завершающем этапе движения познания от ближайшей формы проявления сущности к сфере сущности данной стадии (развития человеческого общества), вместе с тем в «Рукописи 1843 г.» начинается переход к изучению сущности самой по себе, внутри себя. Однако этот переход не завершен, исследование сущности самой по себе не стало главной задачей. Там, где К. Маркс начинает переход к рассмотрению сущности данной стадии самой по себе, внутри себя, там, с одной стороны, с большей, чем прежде, резкостью и отчетливостью выступают существенные различия и противоположности, которые К. Маркс видит между современной (т. е. буржуазной) стадией развития и предыдущей и будущей, а с другой стороны, отчетливее предстают и остатки смешения сути данной стадии с предыдущей и последующей.

Чем более явным, отчетливым, резким становится противоречие, тем ближе его разрешение. Поэтому в познании отчетливая, ясная, резкая формулировка противоречия есть шаг, непосредственно предшествующий разрешению проблемы и переходу на новый уровень познания. В познаваемой действительности противоречие, ставшее явным, — или уже созревшее или близкое к зрелости противоречие, — свидетельство зрелости предмета и реальной возможности как исчезновения предмета, так и разрешения этого противоречия.

Наиболее отчетливо в «Рукописи 1843 г.» противоречия переходного состояния взглядов К. Маркса обнаруживаются в вопросе о частной собственности. К. Маркс критикует попытку Гегеля сконструировать тождество гражданского общества и политического государства при помощи трактовки сословия в качестве их опосредствования, в котором непосредственно едины гражданское общество и политическое государство. Конструирование сословия гражданского общества в непосредственно политическое сословие осуществляется, согласно взгляду Гегеля, благодаря институту майората (передачи имущества по наследству старшему сыну), превращению имущества в неотчуждаемое. Если Гегель считает неотчуждаемую земельную собственность *высшим опосредствованием* крайностей гражданского общества и политического государства, то К. Маркс, напротив, видит в ней *высшую форму отчуждения* гражданского общества и политического государства друг от друга. Неотчуждаемая земельная собственность, отмечает К. Маркс, независима от государства, независима она и от отдельного лица.

Если сословие таких земельных собственников есть политическое сословие, то государство представляет собой строй частной собственности и именно потому, что сама неотчуждаемая земельная собственность есть непосредственно политическое, государственное установление. По отношению к самим земельным собственникам их собственность оказывается субъектом, а земельные собственники — лишь предикатом, свойством, акциденцией собственности: «Всякий первенец в ряду землевладельцев есть *наследственный объект, собственность неотчуждаемого землевладения, предопределённая субстанция его воли и его деятельности*. Субъектом является вещь, а предикатом — человек. Воля становится собственностью собственности»³⁷.

Критикуя Гегеля, полагая в противоположность ему, что земельная собственность не есть высшая форма опосредствования, тождества гражданского общества, а есть высшая форма их отчуждения, К. Маркс исходит из общего с Гегелем представления, будто земельная частная собственность представляет собой высшую ступень развития частной собственности. «*Землевладение есть частная собственность как εἰσοχήν, частная собственность в подлинном смысле этого слова*»³⁸. Прямо подтверждают сказанное выше и следующие слова К. Маркса: «В том политическом государстве, конструкцию которого мы прослеживали до сих пор, *независимость, самостоятельность означают частную собственность, которая на высшей своей ступени выступает как неотчуждаемая земельная собственность*»³⁹.

Таким образом, средневековая форма частной собственности представляется пока К. Марксу высшей формой частной собственности. К. Маркс — противник всякой частной собственности, а не только того или иного ее вида, он — противник и частной собственности «промышленного сословия», которую называет то имуществом в отличие от собственно частной собственности, то отчуждаемой частной собственностью и т. п. Однако *всеобщим представителем рода* частной собственности служит, по мнению К. Маркса, именно неотчуждаемая земельная собственность, т. е. частная собственность как политическая привилегия, как привилегия. Понимание частной собственности как привилегии есть средневековое представление, а требование отрицания частной собственности не вообще, а как политической привилегии есть представление буржуазно-демократическое. Борьба с частной собственностью как привилегией под флагом борьбы с частной собственностью, как таковой — борьба, характерная для возникающего и формирующегося буржуазного общества. В период возникновения и формирования капитализма борьба против феодального общества, борьба за

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 343.

³⁸ Там же, стр. 333.

³⁹ Там же, стр. 343.

нарождавшееся общество казалась (и отчасти действительно являлась) общим интересом всего человечества.

Следовательно, и в понимании К. Марксом частной собственности имеется то же противоречие, которое мы отмечали в понимании К. Марксом конституционной монархии. Противоречие нового и старого во взглядах К. Маркса и тут достигло ступени *противоположности*. Но с тем отличием, что когда речь шла о конституционной монархии, предметом было одно из *явлений* подлинной сущности общества. Теперь же обсуждается вопрос о частной собственности, т. е. о сфере подлинной *сущности*.

Во второй части «Рукописи 1843 г.» имеется более глубокое, чем в первой части, понимание исторического процесса. Как и во всех прежних классификациях, периодизация истории К. Маркса определяется уровнем критического понимания современности. Чем глубже критика современности, тем глубже основание периодизации истории. Напротив, охват исторического процесса, настоящего в связи с прошлым всякий раз дает возможность более глубокого понимания будущего.

Прежде речь шла об исторических стадиях политического государства и гражданского общества. Теперь понимание гражданского общества углублено. Раньше гражданское общество по преимуществу представлялось К. Марксу сферой просто частных интересов. Во второй части К. Маркс начинает переносить или, пожалуй, уже почти перенес акцент на имущественные различия внутри гражданского общества, т. е. на первый план выступает проблема частной собственности. Однако задача рассмотрения частной собственности самой по себе не стала главной. К. Маркс находится на заключительном отрезке пути перехода от анализа политического государства к анализу гражданского общества самого по себе. Поэтому основанием периодизации служит не просто тип частной собственности, а *отношение* государства и частной собственности.

Очень важно, что термин «частная собственность» имеет в «Рукописи 1843 г.» помимо отмеченной еще следующую двойственность. Частная собственность, как показывает К. Маркс, есть в действительности предметная, вещная сущность человека, результат деятельности людей. Но вместе с тем она есть вещно-волевое отношение, в основе практических отношений собственности лежит теоретическое отношение. «Что касается первого пункта, то из него следует, что владелец майората есть *крепостной земельной собственности* и что в подвластных ему *крепостных* проявляется лишь *практическое* следствие того *теоретического* отношения, в котором он сам находится к своему землевладению»⁴⁰. Не случайно К. Маркс пишет: «Частная собственность носит на себе печать *римской* рассудочности и *германской* сентиментальности»⁴¹. Неслучайно также в исторической характеристике частной собственности

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 343.

⁴¹ Там же, стр. 347.

сравниваются римское и германское право, т. е. не сами реальные отношения частной собственности, а их отражения в праве.

Итак, на заключительном отрезке пути от поверхности, явления к сущности, от определяемого к определяющему начинается изучение сущности, определяющего самих по себе, внутри себя. Однако изучение сущности, определяющего самих по себе остается сначала задачей подчиненной исследованию сущности, определяющего через *соотношение* явления, поверхности, определяемого с сущностью, определяющим. Поэтому сущность, определяющее выступают и в *правильном* освещении и вместе с тем в *смещении* с явлением, поверхностью, определяемым. Чем ближе к превращению исследования сущности, определяющего самих по себе, внутри себя в главную задачу, тем острее обнаруживается противоречие и тем меньше смещение.

Кроме того. Если исследуется определенная стадия развития, то ее отличие от предшествующей и последующей стадий развития начинает обнаруживаться с самого начала движения познания от поверхности, от явления к сущности. И чем дальше продвигается познающий по этому пути, тем более глубоко выделяются им отличия данной стадии от предшествующей и последующей. Однако завершение познания самых общих, так сказать, принципиальных отличий в основном происходит только с переходом в качестве главной задачи к исследованию сущности данной стадии внутри себя.

Особенности указанного этапа исследования К. Маркса характерны и для Марксовой критики Гегеля во второй части «Рукописи 1843 г.». По сравнению с первой частью «Рукописи 1843 г.» исследование К. Маркса углубилось, соответственно углубилась и критика Гегеля.

К. Маркс, критически проанализировав взгляд Гегеля на внутреннее государственное устройство, делает общий вывод о социально-политических корнях гегелевской философии права, ее методологии и... философии религии (ибо в философии права Гегеля обсуждаются, по мнению К. Маркса, сферы жизни общества, отчужденное отношение которых служит земной основой религии). «Это все та же *некритическая, мистическая манера интерпретировать старое мировоззрение* в духе нового... Эта *некритичность*, этот *мистицизм* составляют как загадку современных форм государственного строя (*κατ' ἐξοχήν* — его сословных форм), так и тайну гегелевской философии, преимущественно его *философии права и философии религии*»⁴².

В методологическом аспекте дело заключается в том, по мнению К. Маркса, что Гегель интерпретирует старую сущность в духе новой, пытается опосредствовать, примирить разные сущности. И Маркс резко выступает против этого: «Действительные крайно-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 314.

сти не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к Другу, они не дополняют друг друга»⁴³.

К. Маркс доказывает прежде всего, что происходящая борьба между старым и новым есть борьба между *разными* сущностями, а не внутри одной сущности. «Представительный строй» (т. е. буржуазный строй) понимается как строй, имеющий свою сущность в отличие от сущности «сословного строя». Здесь следует также сказать, что хотя К. Маркс уже и различает буржуазное общество от будущего общества, но так как он еще не раскрыл сущность буржуазного общества, то в его сознании не вполне различается то и другое. Кроме того, хотя К. Маркс и выдвигает на первый план противопоставление старого, средневекового и нового, буржуазного общества как различных сущностей, тем не менее в действительном рассмотрении ряда вопросов (например, майората) он отчасти остается на критикуемых им позициях. Неполное преодоление критикуемых позиций видно и в приведенных выше словах К. Маркса. К. Маркс считает, что между разными сущностями нет ничего общего. Между тем, если, например, иметь в виду феодальное и буржуазное общества, то они, имея разные сущности, вместе с тем имеют и общее (в качестве разных антагонистических формаций), буржуазное общество вырастает в недрах феодального и преемственно связано с ним. Отрицание же между ними всякой общности означает отрицание преемственности, связи между ними и постольку является простым, зряшным, недialeктическим отрицанием. Простое, зряшное отрицание старого еще не есть его действительное преодоление, такое отрицание не исключает полностью утверждение (пусть и неосознаваемое утверждение) старого.

К. Маркс пока не перенес центра тяжести на рассмотрение противоречий *внутри* сущности буржуазного общества. Противоречивые определения одной сущности К. Маркса занимают преимущественно постольку, поскольку Гегель смешивает их с отношением разных сущностей и выдает отношение между разными сущностями за отношение внутри одной сущности. К. Маркс, возражая Гегелю, называет истинными, действительными крайностями только разные сущности. «Что касается первого (возражения против того, что действительные крайности не имеют между собой ничего общего и т. д. — *В. В.*), то северный полюс и южный являются одинаково полюсами, их сущность тождественна; точно так же мужской пол и женский образуют один и тот же род, одну сущность — человеческую сущность. Север и юг — противоположные определения *одной и той же* сущности, различия *одной сущности* на *высшей ступени её развития*. Они представляют собой диффе-

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

ренцированную сущность. Они суть то, что они суть, лишь как различённое определение, и именно как *это* различённое определение сущности. Истинными, действительными крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. В одном случае различие есть различие существования, в другом — различие между сущностями, различие двух сущностей»⁴⁴. В этом рассуждении К. Маркса мы опять-таки встречаемся с еще формирующимся пониманием отношения между разными сущностями и разными сторонами одной и той же сущности. Отношение между разными сущностями выступает в сознании К. Маркса пока как отношение между данной сущностью и не-данной, другой сущностью, т. е. между данной сущностью и ее простым отрицанием. Здесь еще не выступило отношение между двумя определенными сущностями, второй сущности по сути дела нет, есть только *отрицание* первой сущности. Различие определений одной и той же сущности характеризуется только как различие существования.

Что отсутствует в этих определениях отношения между сущностями и отношения разных определений одной и той же сущности?

Отсутствует установление связи того и другого отношения. Ведь различия одной и той же сущности есть не только различие существования, но различие⁴⁵ самой сущности, различие именно *внутри* сущности. Именно Гегель, в конечном счете примиривший противоречия в сфере сущности, фактически и в конечном счете сводил противоречия внутри одной и той же сущности главным образом (но не исключительно) к различиям существования. К. Маркс пока применительно к рассмотрению существующего общества просто отрицает это положение и выдвигает в противоположность ему положение об отсутствии общего и т. п. между разными сущностями. Но тем самым гегелевское представление не перерабатывается в своей сути. Во-первых, К. Маркс еще считает вслед за Гегелем, что противоречия одной сущности есть противоречия только существования, он еще не обнаружил противоречия внутри сущности, противоречия одной сущности как существенные. Во-вторых, К. Маркс пока не обнаружил, что существенное различие внутри одной и той же сущности есть снятое, преобразованное различие между разными сущностями. (Это впоследствии выясняется с полной отчетливостью в политэкономическом исследовании К. Маркса.) Здесь мы не будем позитивно, подробно и всесторонне рассматривать связь отношения между разными сущностями с отношением сторон внутри каждой из этих сущностей. Тут достаточно констатировать, что такая связь есть и что в «Рукописи 1843 г.» она еще не выступает более или менее отчетливо. На первом плане здесь у Маркса отношение между разными сущностями и противопоставление этого отношения отношению разных сторон

⁴⁴ К. Маркой Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

⁴⁵ В этом контексте не имеет значения отличие различия от разности, противоположности, собственно противоречия.

одной сущности. Это не случайно, ибо на первых порах главным было раскрытие наступающего нового через *отрицание*, противопоставление старому, средневековью. Только затем на первый план выступит изучение противоречий образующегося нового.

Отстаивая непримиримость отношения между разными сущностями, К. Маркс разоблачает гегелевское отождествление отношения между разными сущностями с отношением абстрактных противоположностей. К. Маркс раскрывает природу абстрактных противоположностей следующим образом: «С другой стороны, всякая крайность *есть* своя собственная противоположность. Абстрактный *спиритуализм* есть *абстрактный материализм*; *абстрактный материализм* есть *абстрактный спиритуализм* материи»⁴⁶. «...Главное определение заключается здесь в том, что какое-нибудь *понятие* (наличное бытие и т. д.) берётся *абстрактно*, что это понятие имеет значение не как нечто самостоятельное, а в качестве *абстракции*. от чего-то другого и лишь как эта *абстракция*. Так, например, дух есть лишь *абстракция* от материи. Тогда ясно само собой, что это понятие, именно потому, что указанная форма должна составлять его содержание, представляет собой, напротив, свою *абстрактную противоположность*, тот предмет, от которого его абстрагируют, в его абстракции. В приведённом нами примере реальной сущностью предмета является, стало быть, абстрактный материализм»⁴⁷.

Отсюда видно, что К. Маркс сознательно стремится стоять на позициях материализма. В гегелевской философии он усматривает то, что дух берётся только в отвлечении от материи, а следовательно, как нечто изначально самостоятельное. В таком случае эта форма абстракции и составляет содержание ее.

Если взять определение К. Марксом природы абстрактных крайностей обособленно, то мы вряд ли увидим в нем нечто большее, нежели то, что ранее было высказано по этому вопросу Л. Фейербахом. Но мы еще раз хотим подчеркнуть, что у Маркса эта мысль уже включена в действительное исследование отношения гражданского общества и государства, а у Л. Фейербаха она не реализована и не развита в процессе действительного исследования какого-либо предмета.

Итак. В процессе развития познания К. Маркса от поверхности, явления к сущности и начинающегося перехода к рассмотрению сущности самой по себе не только сохраняются моменты неразличения поверхности, явления и сущности, не только моменты «перевертывания» (когда поверхность, явление принимаются за сущность, а сущность—за поверхность, явление), не только в сущности самой по себе улавливаются лишь поверхностные стороны уже, так сказать, внутри сущности. В процессе этого развития познания К- Маркса идет также все более глубокое выделение исторической определенности нащупываемой сущности. Но при этом

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

⁴⁷ Там же, стр. 321—322.

остаются моменты смешивания высшей из существующих сущностей, сущности буржуазного общества с предшествующей ей, менее развитой, а также с будущей, более развитой сущностью. На первый план выступает отрицание, противопоставление высшей из существующих сущностей менее развитой сущности, их единство, взаимосвязь, преемственность имеется в неявном виде.

В логическом аспекте на первом плане оказывается выяснение просто отрицательного отношения между разными сущностями, отношение между какой-то сущностью и ее простым отрицанием. Отношение сторон внутри одной сущности представляется преимущественно отношением существования. Связь между этими отношениями присутствует пока неявно, а явно эти отношения выступают как несвязанные друг с другом. Исследование внутренних связей сущности самой по себе (как преобразованное, снятое отношение между разными сущностями) не стало главным.

Отношение между сущностью, высшей из существующих, и предшествующей ей фиксируется на уровне отрицательного единства, а точнее, на уровне противоположности. Причем в сознании мыслителя на первом плане стоит именно отрицательный характер единства.

§2

ВТОРАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ, СТАДИЯ ЗАВЕРШЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА. СТАТЬИ К. МАРКСА В «НЕМЕЦКО-ФРАНЦУЗСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ»

После завершения «Рукописи 1843 г.» Маркс вновь ставит своей главной задачей обращение к самой действительности. В предыдущем цикле обращение к действительности происходило в основном с позиций унаследованной теории (здесь—философии). В результате изучения новых фактов и их обобщения унаследованная теория в основных пунктах подверглась критике. Теперь новое обращение к действительности объективно должно стать этапом завершения образования предпосылок новой теории, нового метода, а вместе с тем и осуществлением первоначального возникновения собственно новой теории, нового метода. В полной мере возникновение собственно новой теории, нового метода произойдет на следующей ступени этого цикла.

На предыдущем этапе развития К. Маркс в общем и целом ставил перед собой в качестве главной задачу обмирщения философии, воплощения философии в действительность. Теперь главной задачей оказывается не критическое осуществление философии в действительности, а критическое изучение с точки зрения будущего самой действительности в ее высшей из существующих форме развития: «Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира

найти новый мир. До сих пор философы имели в своём письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвящённому миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело, то тем определённое мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем, — я говорю о *беспощадной критике всего существующего*, беспощадной в двух смыслах: эта критика, не страшит собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предрешающими»⁴⁸. Под словами «беспощадная критика всего существующего» подразумевается критика, доходящая до отрицания господства частной собственности⁴⁹.

Если, приступая к сотрудничеству в «Рейнской газете», К. Маркс стремился рассмотреть земную действительность в основном под углом зрения высшей из унаследованных форм *философии*, общей теории земной действительности, то к данному периоду К. Маркс уже выделил (хотя и не до конца последовательно) высшую из существующих форму развития *земной действительности* и в критике ее увидел главную задачу.

В цитированном уже выше письме А. Руге, написанном в сентябре 1843 г. в Крейцнахе, К. Маркс кратко излагает программу борьбы для «*Deutsche Jahrbücher*». Задача состоит в выработке точного понимания того, что должно собой представлять будущее» а также в установлении путей, средств его осуществления.

В методологическом плане вопрос стоит так: как выявить будущее развитие процесса? Материалом для точного предвидения будущего служит прошлое и настоящее. В существующем необходимо раскрыть противоречия. Однако, пишет К. Маркс уже в «Рукописи 1843 г.», недостаточно просто констатировать противоречия, как то делают вульгарные, догматические критики. Нужно, объяснить противоречия, раскрыть происхождение противоречий, их необходимость, специфику противоречий данного процесса⁵⁰.

При простой констатации противоречий существующего без их объяснения критик по существу берет предмет как данный, исходит из него, не в состоянии теоретически выйти за его пределы и, таким образом, догматически относится к существующему. Представления о будущем тогда приобретают характер абсолютного знания, не выводимого из существующего, а навязываемого ему. «Так, догматической абстракцией является в особенности *коммунизм*, причём я имею в виду не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедают Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.

⁴⁹ См. там же, стр. 380.

⁵⁰ См. там же, стр. 325.

Этот коммунизм есть только особое выражение гуманистического принципа, не освободившееся ещё от влияния своей противоположности — частного бытия. Поэтому уничтожение частной собственности и этот коммунизм отнюдь не тождественны, и не случайно, а совершенно неизбежно рядом с коммунизмом появились другие социалистические учения, как, например, учения Фурье, Прудона и т. д., — потому что сам он представляет собой только особое, одностороннее осуществление социалистического принципа»⁵¹.

Действительно существующий коммунизм (Кабе, Дезами, Вейтлинга и т. д.) К. Маркс считает критикой существующего, противоположностью частного бытия, еще доходящей из предпосылок частного бытия и потому догматической критикой. От этого коммунизма К. Маркс отличает другие социалистические учения. (Фурье, Прудона и т. д.). «Да и социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону, касающуюся *реального бытия* истинной человеческой сущности. Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предмет своей критики религию, науку и пр.»⁵².

Отсюда можно заключить, что К. Маркс, во-первых, еще не вполне осознал решающую роль реального бытия человека по отношению к теоретическому существованию; во-вторых, пока еще достаточно определенно не замечает, что и в осознании самого реального бытия человека творцы и последователи этих учений, отрицая частную собственность, исходят из предпосылок ее существования. Переоценка К. Марксом учений Фурье и Прудона свидетельствовала о пока неполном, не до конца последовательном преодолении им отношения к частной собственности как к чему-то неизменному, раз навсегда данному.

Можно заметить, что провозглашение даже в сознательной, общей форме задачи объяснения противоречий существующего, а не только их констатации, -задачи беспощадной критики существующего не является полным решением этой задачи. Поэтому сам мыслитель, исследователь, ставящий задачу перехода к новому, более глубокому уровню понимания предмета, до решения этой задачи в той или иной степени остается на старом уровне и не осознает в полной мере, где и в чем именно сохраняются остатки старого уровня познания.

В развитии социалистических учений К. Маркс выделяет два этапа. Первый этап: отрицание предмета, процесса на основании констатации его противоречий, отрицание, не освободившееся от своей противоположности — утверждения предмета, процесса как раз и навсегда данного или просто как данного. Второй этап: отрицание коренных черт и условий существования предмета, процесса на основе их объяснения. Противоречие между отрицанием

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 379.

⁵² Там же, стр. 379—380.

предмета, как такового, и фактическим утверждением его, как такового, исчезает.

К. Маркс переходит от первого этапа ко второму, но перевод до конца не завершился и поэтому отличие второго этапа от первого проводится не всегда последовательно. Различие между названными двумя этапами аналогично различию, фиксированному К. Марксом в «Рукописи 1843 г.», между представительным государством и демократией как осуществлением рода государства, между отчуждением политического строя в целом от гражданского общества и устранением отчуждения в демократии: первый период есть отрицание отчуждения в рамках отчуждения, т. е. с сохранением отчуждения, второй этап есть упразднение отчуждения, как такового, его основ, его корней.

К. Маркс в письме А. Руге (сентябрь 1843 г.) намечает программу теоретической борьбы: от критики религии и через нее необходимо перейти к критике политики и затем к критике гражданского общества. Собственно говоря, сам К. Маркс уже прошел такой путь. Теперь он обобщает результаты исследования, излагая их в целом в той последовательности, в какой они были получены, с целью оказания влияния на современников и главным образом на современных ему немцев. Изложение результатов исследования К. Марксом, во-первых, представляет собой как бы повторение пройденного им самим пути, во-вторых, это есть повторение под углом зрения уже полученных, определенных результатов, и, следовательно, движение познания совершается на более глубоком уровне, чем прежде. Когда К. Маркс впервые шел по упомянутому пути, центр тяжести критики был сначала на критике средневековья, а затем центр тяжести все более перемещался на критику высшей из существующих (буржуазной) формы развития (общества); и все более глубоко выявлялось ее отличие от предшествующей и будущей форм развития (общества). Теперь центр тяжести окончательно перенесен К. Марксом на критику высшей из существующих форм развития (общества).

Основные вопросы, которые К. Маркс обсуждает в статьях в «Deutsche Jahrbücher», — вопрос о различии между «человеческой» и «политической эмансипацией», о том, что представляют они собой, каковы пути, способы достижения «человеческой эмансипации», какова реальная сила, которая осуществит «человеческую эмансипацию». Все эти вопросы рассматриваются под углом зрения критики недостаточности, ограниченности «политической эмансипации». Именно с характеристикой К. Марксом сущности и необходимости «человеческой эмансипации» и способов ее достижения связаны основные моменты более глубокого понимания им предмета и метода исследования, более глубокого даже по сравнению с «Рукописью 1843 г.» и «Крейцнахскими тетрадами».

В статье «К еврейскому вопросу» общий ход мысли К. Маркса является реализацией намеченной программы критики. К. Маркс приветствует критику Б. Бауэром еврейской религии в частности и

религии вообще, но не соглашается с бауэровским решением вопроса. Каковы выводы Б. Бауэра? Уничтожение религии, отказ от религии — необходимое предварительное условие политического освобождения. Уничтожение религии состоит в отделении религии от государства, превращении религии в частное дело граждан, в том, что верующие просто начинают относиться к религии как к выражению человеческого духа. Б. Бауэр, показывая К. Маркс, считая отказ от религии необходимым предварительным условием политического освобождения, тем самым главную задачу видит в борьбе против религии. По сути дела религия и борьба с нею оказываются определяющей сферой общественной жизни и борьбы.

К. Маркс вскрывает также противоречивость позиции Б. Бауэра, смешение им «политической» и «человеческой эмансипации». Отделение религии от государства, превращение религии в частное дело граждан относится к «политической эмансипации», но не представляет собой тем самым и уничтожение религии, как таковой. К. Маркс ссылается на положение в Соединенных Штатах Северной Америки, где нет ни государственной религии, ни признанной религии большинства, и «всё же Северная Америка является по преимуществу страной религиозности, как это в один голос утверждают Бомон, Токвиль и англичанин Гамильтон»⁵³.

Если же религия существует в условиях ее отделения от государства и «бытие религии есть бытие несовершенства, то источник этого несовершенства надо искать лишь в *сущности* самого государства. Религия для нас уже не *причина* мирской ограниченности, а лишь её *проявление*»⁵⁴. Таким образом, критика религии превращается в критику политического государства вообще и далее в критику «противоречия между государством и его *предпосылками* вообще»⁵⁵.

Земную основу религии К. Маркс видит в отрыве, отчуждении политического государства от гражданского общества. К. Маркс показывает, что отделение религии от государства, освобождение государства от религии есть один из моментов «политической эмансипации» вообще. «Политическая эмансипация» означает упразднение религии в *политическом* отношении. Человек лишь политически возвышается над религией (религия исключается из сферы всеобщего интереса).

«*Политическое* возвышение человека над религией разделяет все недостатки и все преимущества политического возвышения вообще. Государство, как государство, аннулирует, например, *частную собственность*, человек объявляет частную собственность *упразднённой* в *политическом* отношении, как только он упраздняет имущественный *ценз* для активного и пассивного избирательного

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 387.

⁵⁴ Там же, стр. 388.

⁵⁵ Там же.

права, как это и произошло во многих штатах Северной Америки»⁵⁶.

Сугубо политическое упразднение частной собственности, пишет К. Маркс, не уничтожает частной собственности фактически, но оно только и существует как противоположность частной собственности, ибо чисто политическое упразднение частной собственности есть осуществление всеобщего интереса, оторванного от сферы частных интересов и существующего лишь на основе этого отрыва.

Политическая эмансипация и есть реализация всеобщего интереса как иллюзорно всеобщего, она необходимо предполагает сферу частных интересов (гражданское общество), оторванную от сферы всеобщего интереса (государства). «Завершённое политическое государство является по своей сущности *родовой жизнью* человека, в *противоположность* его материальной жизни. Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе*, в качестве именно свойств гражданского общества. Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности*, в *жизни*, ведёт двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической общности*, в которой он признаёт себя *общественным существом*, и жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил»⁵⁷.

Итак, К. Маркс находит, что родовая жизнь человека отчуждена от человека, является небесной жизнью человека, а земная жизнь оказывается жизнью обособленного, атомизированного, эгоистического индивида, члена гражданского общества. К. Маркс в своем исследовании еще в общем и целом движется от поверхности, явлений к сущности (а изучение сущности и объяснение на ее основе явлений имеет место в зародышевом состоянии). Не случайно земная основа религии для К. Маркса выступает именно в качестве противоречия между политическим государством и гражданским обществом. К. Маркс не акцентирует внимание на противоречиях самого гражданского общества, на отчуждении внутри самого гражданского общества как глубинной основе религии.

Сущность (сфера гражданского общества) рассматривается через явление (политическое государство), явление продолжает выступать в качестве сущности. Родовой жизнью, сущностью человека К. Маркс продолжает считать государство, политическую общность. Материальная жизнь отождествляется с сугубо частной жизнью. Материальное с этой точки зрения квалифицируется по-прежнему как частное, пассивное. Материальная практика в таком случае есть практика не общественная, а индивидуальная, частная, эгоистическая.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 389.

⁵⁷ Там же, стр. 390—391.

Но все это — одна сторона дела, обусловленная тем, что в исследовании К. Маркса отсутствует в развитом виде исследование сущности (здесь — гражданского общества) самой по себе и объяснение явлений на основе сущности. Когда в развитии познания доминирует движение от поверхности, явлений к сущности, тогда сущность уже начинает отличаться от поверхности, явлений и представляться в качестве определяющего, а вместе с тем в качестве сущности для познающего выступает явление. Кроме того, на этом пути познания не только имеется отождествление с поверхностью, явлением действительной сущности, но и фактический центр тяжести рассмотрения лежит в изучении поверхности, явления и сущности в их внешней связи, как самостоятельных сущностей, соприкасающихся внешне.

Действительно, К. Маркс фиксирует и отрыв, отчуждение политического государства и гражданского общества друг от друга и определяющую роль гражданского общества по отношению к политическому государству. Доминируют движение познания от политического государства к гражданскому обществу и анализ отрыва политического государства от гражданского общества (анализ единства ведется постольку, поскольку он нужен для характеристики отрыва). Одновременно в качестве сущности выступает в сознании К. Маркса государство. Гражданское общество предстает как жизнь атомизированных, изолированных индивидов, т. е. в той характеристике, какую она имеет именно в противоположность политическому государству. Единство, всеобщность гражданского общества самого по себе (общественный характер материальной жизни общества) в общем и целом не выявлены. Лишь исследование гражданского общества не просто как сферы частных интересов, а как по своей сущности общественных материальных отношений позволяет выявить внутреннее единство в отрыве, отчуждении политического государства от гражданского общества и вывести из последнего первое.

Поскольку К. Маркс не исследовал гражданское общество само по себе, не вскрыл его сущность, постольку он остается на поверхности гражданского общества, постольку его точка зрения не критична по отношению к гражданскому обществу. В этом отношении известное совпадение позиций К. Маркса с позицией Л. Фейербаха была неизбежной. Речь идет не о том, что К. Маркс некритически воспроизводит те или иные взгляды Л. Фейербаха. Вопрос гораздо более глубок. В гносеологическом аспекте дело заключается в том, что на пути движения исследования от поверхности, явлений к сущности сущность не познается в полной мере как исторически преходящая, сущность выступает для исследователя (даже если он того не сознает) в тех или иных отношениях, в той или иной степени просто как данная, существующая. Сущность познается как исторически преходящая постольку, поскольку она уже отличена от поверхности, от явления. В социальном аспекте дело заключается в том, что мыслитель, даже стремящийся-

ся к самой последовательной и беспощадной критике существующего общества, не может в полной мере освободиться от некритического отношения к нему, пока он идет в познании от поверхностности, явления к сущности, пока он не выявил сущность этого общества и не объяснил, исходя из нее, все необходимые проявления сущности.

Остатки некритического отношения К. Маркса к существующему обществу имеются даже в различии К. Марксом «человеческой» и «политической» эмансипации. Само различие эмансипации именно как политической и человеческой есть отрицание различия, сложившегося внутри и на почве буржуазного общества, отрицание, сохраняющее «родимые пятна» отрицаемого общества. В самом деле, К. Маркс анализирует буржуазные конституции и показывает, что в них различаются права гражданина, содержанием которых является участие в политической общности, и права человека, поскольку они отличаются от прав гражданина. К. Маркс цитирует самую радикальную буржуазную конституцию, конституцию 1793 г., где права человека, поскольку они отличаются от прав гражданина, перечислены следующим образом: «Эти права» «суть: *равенство, свобода, безопасность, собственность*»⁵⁸. Проанализировав смысл, который получили эти лозунги в буржуазной конституции 1793 г., К. Маркс делает строго доказанный вывод: «Следовательно, ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо, — напротив, сама родовая жизнь, общество, рассматривается как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»⁵⁹. К. Маркс отчетливо понимает, что коль скоро член гражданского общества оказывается частным человеком, изолированным индивидом, он неизбежно выступает и как так называемый естественный человек.

Учредители буржуазных конституций исходят из представления о материальной жизни общества как сумме изолированных, лишь внешне связанных друг с другом индивидов. Всякое политической государство они считают средством для обеспечения естественных прав человека, т. е. средством для обеспечения жизни гражданского общества. К. Маркс, поскольку он еще не выявил и не исследовал общественные материальные отношения, в своем отрицании гражданского общества также исходит из представления о нем как сумме изолированных и лишь внешне связанных

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 400

⁵⁹ Там же, стр. 401—402.

друг с другом индивидов. Это проявляется, между прочим, в отсутствии обнаружения сущности внутри самого гражданского общества, сущностью гражданского общества К. Маркс продолжает считать государство.

«Человеческая эмансипация», по мнению К. Маркса, есть, главным образом, упразднение отчуждения политического государства от гражданского общества, благодаря чему преобразуется и само гражданское общество.

Материальная жизнь современного гражданского общества представляется К. Марксу чем-то частным, пассивным. Это необходимо связано, во-первых, с определенными остатками теоретического отрыва духа как активного от материальной основы, как чего-то пассивного, во-вторых, с недооценкой активности угнетенных классов, с остатками представлений о пролетариате как пассивном, страдающем классе. В статье «К критике гегелевской философии права. Введение», где К. Маркс впервые прямо заявляет, что пролетариат является силой, осуществляющей человеческую эмансипацию, он вместе с тем пишет: «Дело в том, что революции нуждаются в *пассивном* элементе, в *материальной* основе. Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей»⁶⁰.

Однако все сказанное выше определяет лишь одну из противоречащих сторон во взглядах молодого К. Маркса. В статье «К еврейскому вопросу» К. Маркс, с одной стороны, идет от поверхности, явления к сущности (это движение доминирует), а с другой стороны, на роль доминанты уже начинает претендовать рассмотрение действительной сущности (здесь: гражданского общества) самой по себе. В «Рукописи 1843 г.» уже начинался переход к изучению гражданского общества самого по себе, но оно осуществлялось еще, так сказать, внутри, через призму изучения политического государства постольку, поскольку различия гражданского общества самого по себе обнаруживаются при рассмотрении политического государства. В статье «К еврейскому вопросу» К. Маркс подводит итоги этого движения мысли и начинает анализировать собственно гражданское общество.

Если в «Рукописи 1843 г.» гражданское общество фактически рассматривалось как различие в тождестве (в качестве последнего выступало политическое государство), то здесь, с одной стороны, сохраняется прежний уровень исследования, а с другой стороны, происходит переход на более глубокий уровень: гражданское общество фигурирует и как конечный этап движения от изучения политического государства к изучению гражданского общества и берется само по себе, вне непосредственного отношения к политическому государству.

В социальном аспекте переход к критике гражданского общества самого по себе, т. е. переход к критике основы политиче-

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 423.

ского государства самой по себе, означал окончательный переход на точку зрения будущего общества, на точку зрения пролетариата.

К. Маркс начинает обнаруживать отчуждение внутри гражданского общества самого по себе, рассмотренного вне непосредственной связи с политическим государством. Причем К. Маркс применяет аналогию с отношением религии и ее мирской основы. Эта аналогия встречается у К. Маркса на различных уровнях предшествующего исследования. Уже в период работы над докторской диссертацией он трактовал религию как иллюзорное воспроизведение земной действительности. Затем К. Маркс нашел, что подобно отчуждению иллюзорной действительности от подлинной, земной действительности в самой земной действительности сфера всеобщего интереса (политического государства) отчуждается от сферы частных интересов и является иллюзорно всеобщим интересом, хотя эта иллюзия представляет собой объективную практическую иллюзию. Наконец, внутри самого гражданского общества К. Маркс выделяет ее земную и небесную действительность:

«Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *свокорыстие*.

Каков мирской культ еврея? *Торгашество*. Кто его мирской бог? *Деньги*.

Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег*, — следовательно, от практического, реального еврейства — была бы самоэмансипацией нашего времени»⁶¹. Таким образом, и внутри мирской жизни существует отчуждение. Деньги — бог мирского отчуждения внутри мирской жизни. Можно заметить, что К. Маркс критикует гражданское общество по аналогии с критикой религии.

Критика политики и гражданского общества по аналогии с критикой религии была, во-первых, плодотворна, ибо позволяла выявить общий характер отношения (отношения отчуждения) в различных областях жизни общества; однако, во-вторых, аналогия критики более глубоких областей жизни общества с критикой менее глубоких областей жизни общества приводила к известному отождествлению критики более глубоких областей с критикой менее глубокой области. Так, с этой точки зрения, политическое государство, оторванное от гражданского общества, и деньги есть лишь иллюзии, хотя и необходимые, есть лишь продукты самосознания людей. С такой точки зрения деньги есть общее, общественное представление, воплощенное в вещах (золоте, серебре, ценных бумагах и т. д.).

Это — критика религии, доходящая до критики земной основы религии и выяснения противоречия земной основы религии, но вместе с тем критика, еще не до конца освободившаяся от религиозной точки зрения. Не случайно в статье «К еврейскому вопросу» встречается утверждение следующего рода: «Христианство есть перенесённая в заоблачные выси мысль еврейства, еврейство есть

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 408.

низменное утилитарное применение христианства, но это применение могло стать всеобщим лишь после того, как христианство в качестве законченной религии, *теоретически* завершило самоотчуждение человека от себя самого и от природы»⁶². Отсюда следует неизбежный вывод о том, что торгашество, деньги есть лишь продукт теоретического самоотчуждения человека от самого себя и от природы.

Аналогия критики сущности с критикой более поверхностной сферы (религии) довольно явно сквозит и в следующих словах К. Маркса: «*Практическая потребность, эгоизм — вот принцип гражданского общества, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство. Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги*»⁶³.

В сущности процесса развития (общества) вообще есть своя поверхность, сущность, явление и т. д., в сущности какой-либо из стадий этого процесса развития (например, капиталистического общества) также имеется своя поверхность, сущность, явление и т. д.

К. Маркс приступает к изучению сущности процесса развития (общества) на ее определенной стадии (а именно буржуазного общества). Здесь мы имеем дело с завершением этапа образования начала метода научного исследования К. Маркса и переходом к этапу собственно возникновения метода К. Маркса. Последующие стадии собственно возникновения метода К. Маркса мы предполагаем более подробно рассмотреть в другой работе. Здесь же отметим такие существенные моменты.

Основой, из которой вырастают деньги, является практическая потребность враждебных друг другу индивидов, своекорыстная потребность членов гражданского общества; их связывают друг с другом только «естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»⁶⁴.

Удовлетворение практической потребности происходит посредством отчуждения вещей, превращения вещей в товары, посредством отчуждения вещей в торговле. Деньги есть всеобщее всех вещей, ставшее самостоятельным: «*Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей*»⁶⁵. Практическая потребность может быть удовлетворена или непосредственно природными вещами или вещами, созданными трудом. К. Маркс еще не выявил того, что стоимость создается абстрактным трудом, он говорит о собственной стоимости природы⁶⁶. Од-

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 412.

⁶³ Там же, стр. 410.

⁶⁴ Там же, стр. 402.

⁶⁵ Там же, стр. 410.

⁶⁶ См. там же.

новременно он характеризует деньги как сущность труда (правда, К. Маркс добавляет: «и бытия») человека, отчужденную от человека; «...и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей»⁶⁷. В гражданском обществе человек отчуждает от себя продукты своей деятельности и свою деятельность и они подчиняют себе человека: «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека. Подобно тому как человек, пока он опутан религией, умеет объективировать свою сущность, лишь превращая её в *чуждое* фантастическое существо, — так при господстве эгоистической потребности он может практически действовать, практически создавать предметы, лишь подчиняя эти свои продукты, как и свою деятельность, власти чуждой сущности и придавая им значение чуждой сущности — денег»⁶⁸.

Строго говоря, зародыши понимания всех форм отчуждения труда, о которых К. Маркс напишет позднее в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», имеются в статье «К еврейскому вопросу».

Основой отчуждения вещей от человека, основой торгашества, существования товара и денег К. Маркс считает практическую своекорыстную потребность. Это — характеристика гражданского общества по преимуществу через отношение к отчужденному от него политическому государству.

Однако у К. Маркса уже имеется более глубокое понимание практической своекорыстной потребности, а именно, как потребности частного собственника. Анализируя радикальные конституции общества, в котором политическое государство в целом отчуждено от гражданского общества, К. Маркс пишет: «Практическое применение права человека на свободу есть право человека на *частную собственность*»⁶⁹. Хотя вслед за этим само право на частную собственность раскрывается следующим образом: «Право человека на частную собственность есть, следовательно, право по своему усмотрению (*a son gre*), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им; оно — право своекорыстия. Эта индивидуальная свобода, как и это использование её, образует основу гражданского общества»⁷⁰.

Определение практической своекорыстной потребности как потребности частного собственника более глубоко потому, что действительной противоположностью гражданского общества в качестве сферы просто частных интересов является политическое государство, а действительной противоположностью гражданского общества, понимаемого как мир частной собственности, является общественная собственность. В первом случае материальная жизнь общества берется в отношении к чему-то, что само по себе служит

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 410.

⁶⁸ Там же, стр. 412.

⁶⁹ Там же, стр. 400.

⁷⁰ Там же, стр. 401.

проявлением этой жизни, во втором случае материальная жизнь общества берется по отношению к самой себе. Если в первом случае отрицание существующего есть только отрицание отчуждения политического государства от гражданского общества, то во втором случае внимание обращается также на отрицание гражданским обществом самого себя, на отрицание частной собственности, на поиски внутреннего противоречия самой сущности.

Оба подхода к критике гражданского общества у К. Маркса существуют, с одной стороны, слитно, с другой стороны, уже также раздельно, самостоятельно, вне связи друг с другом. В общем и целом продолжает доминировать первый подход.

Гражданское общество как общество частных собственников, естественно, может быть устранено лишь людьми, лишенными частной собственности, силой, представляющей собой продукт разложения гражданского общества, силой, воплощающей отрицание гражданским обществом самого себя. Гражданское общество просто как сфера частных интересов, критически рассматриваемая по аналогии с критикой более поверхностных сфер, есть сфера отчуждения продуктов труда и самой деятельности человека от человека. Следовательно, силой, уничтожающей отчуждение, должны быть люди непосредственного труда. Мы цитировали ранее слова К. Маркса о том, что люди, лишенные собственности, и сословием непосредственного труда представляют собой скорее почву, на которой покоится гражданское общество, чем само гражданское общество. Между обоими определениями К. Маркс еще не устанавливает связи даже в статьях, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher». Это свидетельство того, что рассмотрение сущности самой по себе и рассмотрение сущности через движение познания от поверхности, явления к сущности, с одной стороны, полностью не отделилось друг от друга, а с другой стороны, поскольку они отделились друг от друга, выступают самостоятельно, безразлично друг к другу.

Теоретически указанное различие К. Маркс еще не объясняет и не разрешает. Однако во второй из двух статей, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher», а именно в статье «К критике гегелевской философии права. Введение», К. Маркс находит действительно существующий класс, единственно способный упразднить отчуждение политического государства от гражданского общества и в корне преобразовать гражданское общество. Именно поиск и обнаружение класса, способного и вынужденного своим положением радикально преобразовать современное общество, определили решающий поворот К. Маркса к перенесению центра тяжести на изучение самой сущности (общества).

Пока гражданское общество фигурирует просто как война всех против всех, отрицание им самого себя не выступает. Когда же К. Маркс выделяет класс, способный и вынужденный уничтожить мир изолированных индивидов, сугубо частных интересов, тогда интерес исследователя направляется главным образом на изуче-

ние общественных связей, отношений самого гражданского общества.

Последовательная революционность, беспощадная критика существующего общества вели и привели К. Маркса на позиции пролетариата, единственного класса современности, интересы которого совпадают с коренными интересами прогрессивного развития человеческого общества.

Только с открытием исторической революционной роли пролетариата и окончательным переходом К. Маркса (в статьях, опубликованных в «Deutsche Jahrbücher») на пролетарские позиции в его исследовании могло выдвинуться на первый план изучение сущности процесса развития (человеческого общества) и сущности определенной стадии этого процесса (капитализма) самих по себе.